

АННА
СЕМИРОЛЬ

А
З
И
Л
Ь

Надежда под куполом
последнего города

Азиль

Анна Семироль

АЗИЛЬ

«ЭКСМО»

2022

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Семироль А.

Азиль / А. Семироль — «Эксмо», 2022 — (Азиль)

ISBN 978-5-04-165687-4

Первый роман трилогии Анны Семироль. Азиль — последний приют человечества, жизнь в котором ненадежна, надломлена, хрупка. Но даже там остается место надежде... Мир после химической войны, уничтожившей хлорофилл. Двести лет стоит на берегу Средиземного моря Азиль — последний уцелевший город, спрятанный под Куполом. Здесь чистый воздух и еда вдоволь — привилегия богатых градоуправленцев. Здесь в городских катакомбах тихо зреет революция, а в море ждёт Онамадзу — гигантский белый кит. В этом городе среди людей незамеченным бродит Бог. Добро пожаловать в Азиль — последний приют человечества. Анна Семироль — мастер слова и чувства, обладатель Премии имени Одоевского и ряда других наград. Все ее романы — это тексты про Человека, его природу, выбор и судьбу. Предыдущая книга Анны Семироль «Игрушки дома Баллантайн» получила множество положительных отзывов от читателей и коллег-авторов — Наталии Осояну и Марины и Сергея Дяченко.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-165687-4

© Семироль А., 2022
© Эксмо, 2022

Содержание

Прелюдия	6
I	8
II	16
III	26
IV	35
V	46
VI	61
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Анна Семироль

Азиль

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя.

© Анна Семироль, текст, 2022

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2022

Прелюдия

Звёзд не видно. Ни единой. Хотя взрослые утверждают, что они есть. Даже если сильно-сильно всматриваться – небо тёмное, в расплывчатых разводах разных оттенков серого. Но если очень крепко зажмуриться, а потом резко открыть глаза...

– Same amala ogo kelena... Oro kelena dive kerena. Sa o roma, o daje...

Нянюшкина песня летит ввысь, к шпилям Собора, голос Ганны мягок, как пух под крылом птицы из отцовского кабинета, слова на непонятном языке завораживают, зовут вверх. На макушку ложится тёплая ладонь, треплет светлые пряди.

– Вам пора, месье Бойер, – негромко говорит Ганна.

– Веро ещё не вышла. – Мальчик упрямится, капризно кривит губы.

– Мы вернёмся позже, нас привезёт месье Каро. Так велит обряд. Идите же, непоседа.

Мальчик бросает взгляд на окна Собора, мерцающие тёплым светом свечей, вздыхает и спускается по выщербленным широким ступеням. На ходу считает: одна ступенька, две, три... После седьмой сбивается. В шесть лет не зазорно забыть, что после семи идёт восемь. Он оборачивается, чтобы окликнуть Ганну, но нянюшка исчезает в дверях Собора.

– Подайте...

На пути ребёнка вырастает старый нищий в линялом рубище, протягивает руку. Мальчик испуганно отплатывается в сторону, чуть не падает, запнувшись о ступеньку Собора, и спешит к ожидающей его машине. Нищий провожает его блёклыми слезящимися глазами, осеняет крестным знамением.

Звонко стуча каблуками, мальчик подбегает к электромобилю и ныряет в салон. Плюхается на сиденье, елозит, устраиваясь поудобнее. Ему нравится, как скрипит искусственная кожа обивки.

– Ты мнёшь мне платье, – сурово замечает мать. – Веди себя прилично.

Мальчик отодвигается в угол, подальше от материнской юбки, от бесчисленных оборок, кружев и бантов. Он не выносит, когда она отчитывает его – всегда сухим, безжизненным тоном. Хочется думать о звёздах – там, выше Купола. И о том, какая красивая его сестра в подвенечном наряде.

– А когда мне можно будет вот так, как Веро? – Он дёргает отца за расшитый рукав куртки.

– Когда подрастёшь. – Тот улыбается – одними уголками рта.

– Ну когда?

– Лет в шестнадцать, – нервно отвечает мать. – Уймись.

– Изабель, – с укоризной окликает её супруг. – Всё ведь хорошо?

– Да-да. Просто расчувствовалась и разволновалась. Едем?

Месье Бойер включает мотор, электромобиль мягко трогается с места. Из темноты перед машиной возникает фигура – в накидке поверх униформы.

– Советник Бойер, подождите!

Шум двигателя стихает. Месье Бойер опускает боковое стекло:

– В чём дело?

– Срочное послание, – выдыхает гонец. Кладёт в руку Советника конверт – и растворяется в ночи.

Мальчик вскакивает с места, заглядывает через спинку переднего сиденья и отцовское плечо. С хрустом ломается сургучная печать на письме, шелестит серая шероховатая бумага. Мать в сердцах дёргает мальчика за пояс бархатных штанишек:

– Да сядь же на место!

В тот же момент кольцо, подаренное четырнадцатилетней Веронике Бойер к помолвке, падает с ладони девочки. Подпрыгивая, словно живое, оно катится по каменному полу Собора и, на мгновение задержавшись на краю, скрывается в глубокой расщелине. Вероника коротко ахает, меняется в лице.

Конверт в руках Советника Бойера отчётливо щёлкает и взрывается, залив салон автомобиля ослепительным светом.

I

Виноград

Мяч с силой ударяется об пол, возвращается в детские ладошки. Шестилетняя рыжеволосая девочка кидает игрушку сидящему на диване молодому человеку в джинсах и батистовой белой рубашке:

– Стамбул, – звонко разносится по комнате.

Доминик Каро ловит мяч, медлит.

– Э-э-э... Амелия, Лондон же был?

– Был.

– Тогда Лихтенштейн.

– Не годится, – хмурится девочка. – Это княжество, а мы играем в города.

– Лувр! – хитрит её партнёр по игре.

– Дядя Ники, это нечестно.

Тот крутит мяч на кончике пальца, роняет на пол. Амелия подхватывает игрушку, смотрит с укоризной.

– Луго. Лион. Лахти. Лос-Анджелес. Лас-Вегас. Лаппенранта, – чеканит почти по слогам.

– Ну всё, ты меня сделала, малявка! – Ники смеётся. – И каков твой выигрыш?

– Ты сегодня никуда не едешь, сидишь дома и учишь города, – выносит суровый вердикт Амелия.

Ники встаёт с дивана, потягивается, ерошит коротко стриженные тёмно-русые волосы. Внезапно хватает диванную подушку и запускает её в Амелию. Девочка ловко прячется за спинку кресла, подушка вылетает в открытое окно.

– Месье Каро, это недостойный взрослого поступок! – верещит Амелия, ползком перебираясь под стол.

Молодой человек ловит её за подол пышного розового платья, выуживает из убежища. Ставит перед собой и, насвистывая, поправляет помятые оборки и бантики на юбке, заправляет рыжую прядь под расшитую жемчугом сетку для волос.

– Мадемуазель Каро, – Доминик включает менторский тон, – напоминаю вам, что взрослым замечания могут делать только взрослые. И уж никак не шестилетние конопатые каре-глазки. Я вами обижен, удаляюсь в изгнание в спортзал.

Амелия гневно фыркает, толкает его в живот двумя руками и, подхватив подол платья, выбегает из комнаты.

– Запрись в своём спортзале и сиди там, учи города! – слышится из коридора. – Ты наказан, наказан, наказан!

– Конопуха противная, – бубнит под нос Ники, подбирает мяч и бросает его об стену. Ловит, отправляет обратно. И ещё раз. И ещё.

Дребезжат в старинном шкафу чашки из тонкого фарфора, угрожающе кренился набок картина в бронзовой раме. Мяч то глухо ударяет в стену, то звонко бьётся о ладони. Во время очередного броска с комода на пол падает тяжёлый старый подсвечник. Чертыхнувшись, Ники кидается водружать его на место, а когда оборачивается, видит стоящего в дверях старшего брата.

– Доминик, какого чёрта?

Тридцатипятилетний Бастиан Каро очень зол. Чёрные густые волосы, обычно аккуратно причёсанные, сейчас взлохмачены, небритая щека нервно подёргивается, глаза близоруко прищурены.

– Мне на совещание ехать послезавтра, я работать пытаюсь! – рычит он, потрясая свитком из грубой кукурузной бумаги. – Вали отсюда подальше и круши стены там!

Доминик изображает на лице самую любезную из улыбок и прячет мяч за спину.

– Э-э-э... извини, братец, мы с племянницей заигрались в города, – виновато оправдывается он.

Бастиан усмехается, кивает.

– Я всё никак не привыкну, что ты у нас в семье вечный ребёнок. Ничем не занят, ветер в голове, – язвительно говорит он.

Младший брат всё ещё улыбается, но карие, как и у Бастиана, глаза грустнеют.

– А чем мне заниматься, если я для всех – лишь запасной вариант тебя? Ты заседаешь в Совете Семи, мне там места нет. И всех талантов – трепать языком и очаровывать баб.

– Месье Каро? – вежливо окликают Бастиана из коридора.

Он оборачивается и поспешно проходит в комнату, пропуская служанку. Женщина в белой косынке и форменном серо-голубом платье заходит, неся поднос с кистью винограда, бокалом вина и тремя кукурузными лепёшками, бережно ставит ношу на маленький столик с резными ножками.

– Месье Доминик, вы распорядились, – говорит служанка кротко, почтительно кланяется.

– Спасибо, Мари, – кивает Ники. – Возьми пару ягод, они вкусные.

Женщина качает головой, пряча глаза.

– Да они и так их воруют на кухне, – фыркает Бастиан и указывает служанке на дверь: – Всё, свободна.

Мари снова кланяется, приседает в реверансе. Доминик пользуется моментом и наступает ей на длинную юбку. Женщина охает, услышав треск рвущейся ткани, испуганно выбегает прочь. Каро-младший хохочет, довольный своей выходкой, и падает на диван.

– Везде есть свои плюсы, братец! Ты весь такой серьёзный, по уши в работе, уважаемый весь... А я просто живу. Так, как мне нравится.

Он отщипывает от виноградной кисти тёмно-фиолетовую ягоду, кидает в рот.

– Поехали вечером со мной к плебейам? Покажу, на что готовы трущобные девки за одну такую ягодку.

– Меня тошнит от одной мысли о сексе с подобными... – Бастиан морщится, щёлкает пальцами и подыскивает нужный термин: – Грязнухами.

– Может, ты, братец, неправильно сексом занимаешься? И девочек тамошних недооцениваешь. Попадаются и настоящие сокровища. Всё поинтереснее твоей скучной жены.

Бастиан разворачивает мятый свиток, снова скручивает в трубку. Проходит в комнату, неслышно ступая по мягкому ковру, присаживается рядом с братом на диван. Делает маленький глоток из бокала с вином, закусывает лепёшкой.

– Жена, Ники, – это аксессуар. Положено Советнику иметь жену и ребёнка – изволь соответствовать. А уж скучная она или нет – дело десятое. Без неё я бы сейчас не занимал свою должность. Её дело – растить Амелию, сопровождать меня на официальных приёмах и дома не мозолить мне глаза. А то, что она глупа, – не мои проблемы.

– Ну глупой я её не называл. А что она скучная – это как раз твоя вина, Бастиан. Побольше внимания ей, что ли. Ущипни пару раз за задницу, скажи, что у неё классные сиськи, закажи портнихе для неё платье, как у уличных девок. Это освежит ваши отношения!

Поперхнувшись от услышанного куском лепёшки, Бастиан Каро смотрит на младшего брата насмешливо.

– О, эксперт выискался! На своих трущобных потаскухах мастерство оттачивал?

– Ну у меня с женщинами всяко лучше твоего, – невозмутимо откликается Доминик. – Ты же не станешь это отрицать?

– Не вздумай свои «отношения» приводить в дом!

– А и приведу! – с вызовом отвечает Ники и залпом допивает вино.

Через час его электромобиль отъезжает от резиденции Каро в сторону Восточного пропускного пункта.

Дорога пустынна. Жители Ядра посещать Второй и Третий круг без крайней необходимости не любят, велорикши стараются не ездить по темноте, потому Доминик безбоязненно выжимает из своей машины максимальную скорость. Позади электромобиля исчезают в облаке пыли километры кукурузных и соевых полей, летят из-под колёс мелкие камни. Ники смотрит на прадедовы часы, охватывающие левое запястье, хмурится.

Электромобиль проносится мимо фруктового сада, сад сменяется широкой полосой виноградников. Фрукты и виноград – роскошь, доступная только обитателям Ядра, элите Азиля. Простолюдины довольствуются лишь соей и кукурузой. И комплексными добавками, разработкой которых занимается Советник Каро – старший брат Доминика, Бастиан.

Доминик поправляет на сиденье жестяную коробку, набитую виноградом, улыбается своим мыслям. Что для членов его семьи и их ближайшего окружения – просто еда, для жителей Второго и Третьего круга – настоящие сокровища. И пусть старший брат бесится в своём удовольствии, считая, что Ники разбазаривает добро.

По обеим сторонам дороги растёт кукуруза. Высоченная, увенчанная крупными початками. Ещё месяц – и можно будет собирать первый из трёх годовых урожаев. Свет фар, выхватывающих из темноты дорогу, слабеет. Аккумулятор электромобиля переходит в режим экономии энергии. Но Доминик не сбавляет скорости. Он точно знает, что заряда хватит до станции на пропускном пункте между Вторым и Третьим кругом. Расстояние просчитано им идеально и проверено десятки раз. Ещё полчаса по пустой дороге – и он у цели.

Наконец-то далеко впереди брезжит свет, поля заканчиваются. Доминик сбавляет скорость, проезжает мимо длинных ангаров, в которых хранят урожай, маленьких домиков обслуживающего персонала, насосов, что гонят воду от реки к садам и полям. На развилке сворачивает направо – к пропускному пункту. За спиной остаётся дорога, ведущая к городскому саду, жилым кварталам, заводам и кафедральному Собору Азиля.

Электромобиль переезжает мост через реку, медленно едет вдоль десятиметровой бетонной стены, которая длится в обе стороны, насколько хватает взгляда, и останавливается перед массивными подъёмными воротами. Доминик вылезает из машины, подходит к решётке ворот и звонит в закреплённый на стене колокол. Почти мгновенно с другой стороны подбегает охранник в тёплой куртке, почтительно кланяется, вращает колесо механизма, поднимающего металлический частокол.

– Доброго вечера, месье Каро! – одышливо пыхтит стражник.

Доминик напускает на себя высокомерный вид, приветствует его кивком и возвращается в электромобиль. Машина проезжает через ворота, паркуется возле генератора.

– Зарядить полностью, – распоряжается Ники.

– Слушаюсь, месье.

Забрать с переднего сиденья коробку с виноградом, поплотнее запахнуть короткую куртку. Чем дальше от Ядра Азиля, тем холоднее ночи и жарче дни: особенности грязной, бедной кислородом атмосферы. Доминик косится на тонкую трубочку носового катетера, идущую вдоль правой скулы охранника и исчезающую за ухом – там, где закреплён на шее воздушный фильтр. Без фильтра на окраине не выжить. Действие защитного купола Азиля здесь слабое, долго дышать воздухом с примесью диоксида азота опасно. Это одна из причин, по которой матушка Доминика закатывает истерики, когда её младший сын удирает в трущобы.

Ники смотрит на подрагивающие стрелки часов, едва различимые в свете газового фонаря, хмурится и припускает бегом по направлению к городской окраине. Он не любит опаздывать.

Старательно огибая прохожих, не забывая улыбаться и подмигивать встречным девушкам, Ники минует маленький жилой квартал и оказывается на пустыре, отделяющем высотки от городской свалки.

«Как можно жить в этих домах? – думает Ники, морщась от запаха отбросов. – С такой-то вонищей по соседству. Особенно летом, когда жара. А ещё говорят, преступники прячутся на свалке от полиции под горами мусора. Не верю. Вон какие тут крысы здоровенные, наглые. Готов поспорить, стаями на людей нападают и жрут».

Доминик пересекает пустырь, внимательно глядя под ноги, проскальзывает за калитку, рукавом куртки цепляется за проволочную сетку, дёргает так, что вся ограда ходит ходуном. Охранник бросает на него сердитый сонный взгляд, но даже не пытается остановить. За месяц он привык, что этот парень постоянно заявляется сюда по вечерам. И ему точно нужны не вещи, которые можно обменять на рынке. Ники следует мимо очереди припаркованных на ночь мусоросборочных машин, перепрыгивает через рельсы, по которым вагонетки, наполненные барахлом, гонят в подземные цеха на переработку. Мельком косится на отсортированное за день, но пока не погруженное: аккуратные горки раздельно лежащего тряпья, пластика, битого стекла, металла, целлюлозных отходов. В стороне на корточках сидят пятеро мальчишек и разбирают на детали что-то напоминающее стеллаж. Ники думает, что вся техника Азиля зависит от мусора. Большинство отходов идёт на топливо, ещё часть – на вторичное использование. Забавно: месяц назад он об этом даже не знал.

Доминик обходит маленькое административное здание, возле которого, как обычно, мнутя перекупщики старья. И, судя по внешнему виду, перекупщикам живётся неплохо.

«А ведь и правда: можно вообще не работать, – размышляет Ники. – Просочился на свалку, поковырялся в том, что сюда свозят, нашёл ту же старую посуду или одежду, из которой вырос ребёнок, – и носи себе, выменивай на купоны. Правда, если охранник тебя заловит и при тебе не будет разрешения от администратора, можно и по шее получить».

Конечно, Ники Каро приходит сюда совсем не за мусором. Здесь, на сортировке, работает по вечерам главная причина недовольства его родителей. Вот же она – робко мнётся на границе тени и света тусклого уличного фонаря.

Делая вид, что не видит её, Ники украдкой косится на длинные ноги в ярких сапожках и застиранных штанах, замечает тёмное пятно на коленке: прилип кусочек водоросли. Взгляд скользит выше – по бурому, растянутому от долгой носки свитеру, прижатым к груди кулачкам. «Она каждый раз так меня встречает. Стоит в полутени, сжав кулаки на груди, – думает Доминик – и не может сдержать улыбку. – Вот сейчас...»

– Ники-кун, – окликает его робкий голос обладательницы мешковатого свитера.

– Кейко-о-о! – радостно вопит Доминик, раскидывая объятия. – А я тебя высматриваю-высматриваю... Думал – ушла, не дождалась, нашла другого.

Даже при плохом освещении видно, как девушка краснеет. Раскосые тёмно-карие глаза наливаются слезами, губы обиженно сжимаются. Ники становится стыдно за глупую шутку – но лишь на мгновение. Он подбегает к Кейко, осторожно обнимает её.

– Ну же, прости. Я так не думал. Глупо пошутил, извини.

Она молча кивает, утыкается лбом ему в плечо. Доминик оглядывается, ловит заинтересованные взгляды перекупщиков и быстро шепчет в прикрытое длинными тёмными волосами ухо девушки:

– Пойдём отсюда, пока вон тот мужик от зависти не лопнул. Я кое-что тебе привёз.

Кейко неуверенно пожимает острыми плечами:

– Не надо подарков, Ники-кун. Я и так...

– И слушать ничего не желаю, – закатывает глаза Доминик. – Подарки – это моё личное и добровольное дело. Так? Ну и вот. Не понравится – выбросишь. Или отдашь своей злюке-сестрице.

Молодой человек вкладывает ей в ладонь плитку прессованных сухофруктов и увлекает девушку за собой. Они покидают свалку, идут узким пыльным переулком, спотыкаются обо что-то в темноте. Доминик раздражается фонтаном неизысканных ругательств, Кейко нервно смеётся.

- Валите отсюда, чёртовы гуляки! – откликается из-под груды мусора сонный голос.
- Ты бы не спал на земле, приятель, – нейтральным тоном советует Ники. – Синий лёд... И резко смолкает, уворачиваясь от летящего бульжника.
- Катись, умник! – несётся из-под хлама. – Какая разница, как подышать!

Ники уже не слушает, быстрым шагом удаляется прочь. Кейко почти бежит за ним, то и дело оглядываясь назад. Догоняет, бережно касается локтя. Парень с грустной усмешкой обнимает её за плечи, целует в щёку.

- Уведи меня куда-нибудь, Кей. Давай сбежим. Достали все.
- Куда ты хочешь?

На секунду он задумывается, сбавляет шаг.

- Две вещи никогда в жизни не видел: море и небо. Отведёшь?
- Кейко грустно качает головой. В раскосых глазах читается испуг.
- Нельзя. Там опасно для тебя.

Ники гладит щёку девушки, касается трубочки носового катетера.

– Кей, мы ненадолго. Я знаю, что воздух не убивает сразу, если ты без защиты. Ты в безопасности, а за себя я не боюсь. – Он делает паузу, видит нерешительность на лице Кейко и вкрадчиво тянет: – Ну пойдё-ом... Ответственность за последствия я беру на себя. Хорошо?

Он ни на миг не сомневается, что она исполнит его просьбу. Брату Советника Каро никто не отказывает. В этом секторе Третьего круга Азиля – точно. Можно даже не прибегать к безотказно действующим словам, произносимым с лёгкой укоризной: «Ну ты же меня любишь?» Бабская фраза, но на влюблённых дурочек действует стопроцентно. Доминик Каро не раз в этом убеждался.

Кейко Дарэ Ка вежливо улыбается и протягивает ему руку.

– Только ненадолго, Ники-кун, – просит она. – Ночью снаружи холоднее, чем под защитой Купола. Там ветер сильнее.

Вскоре они подходят к границе Азиля. Остаются за спиной редкие огни спящего Третьего круга. Земля суха и абсолютно безжизненна, под ботинками похрустывает подёрнутый инеем гравий. Доминик останавливается перед высоченной колонной одной из опор Купола, задирает голову и пытается рассмотреть в темноте границу между небом, привычным ему с рождения, и тем небом, которое он так хотел увидеть. Кейко ёжится от пронизывающего ветра, приплясывает рядом, дышит теплом в озябшие ладони.

- Не вижу, – разочарованно выдыхает Ники. – Всё такое же.
- Мы ещё не вышли из-под края. Осталось чуть-чуть, – мягко говорит Кейко. – Идём. Ещё на триста метров прочь от города, и девушка останавливает Доминика.
- Смотри теперь.

Ники ставит на землю коробку, которую взял с собой, плотнее запахивает куртку и всматривается в небо. Сперва довольно трудно рассмотреть что-то сквозь запылённый воздух, но постепенно Доминик начинает различать в вышине яркие светящиеся точки. Он вытирает слезящиеся от ветра и пыли глаза и снова вглядывается в темноту над головой.

- Кей... Я вижу! Искры над нами – это же звёзды!

Восторженный голос срывается, становится трудно дышать. Накатывает тошнота и головокружение – то ли от осознания того, какая бездна развернулась над ними, то ли от пребывания вне Азиля. Кейко быстро оказывается рядом, обнимает, старается удержать Ники на ногах.

– Фух, я в порядке, в порядке! – сопротивляется Доминик и снова задирает голову. – Ну это же невозможно не хотеть увидеть! Ради этого стоит... Уффф...

– Уходим, – сухо отрезает девушка. – Если тебе станет ещё хуже, я тебя не донесу.

На этот раз он не возражает и позволяет увести себя. Медленно бредёт, опираясь на хрупкое плечо Кейко, старается дышать размеренно и спокойно. Девушка хмурится. Что ей до того, что Ники уносит с собой целую бездну, полную звёзд. Больше всего Кейко Дарэ Ка боится, что её бесценный Ники-кун останется здесь, надышавшись ядовитого воздуха, а она, тщедушная девушка с самого дна Азиля, ничем не сможет ему помочь.

Доминик плохо помнит, как они с Кейко добрались до её дома. И как ему удалось убедить девушку, что он в порядке и дальше пойдёт один. Удалось же – и отлично. Хорошо, что именно сейчас её нет рядом. Слишком непривычно ощущение заботы. Оно делает его слабее и уязвимее, а именно сейчас необходимо быть собранным и серьёзным. Предстоит важный разговор, от которого зависит очень много.

Подъём в темноте на третий этаж по лестнице без перил занимает вечность. Ники бодрится, старается дышать ровнее, держать спину прямо. Ему кажется, что лёгкие превратились в громадные каменные глыбы, и каждый вдох и выдох – это попытки сдвинуть с места здоровенные булыжники. Ноет каждая мышца, кружится голова.

Последняя ступенька. Доминик делает шаг вперёд, протягивает руку и опирается о стену. Стоит с минуту, ждёт, когда немного успокоится частящий пульс. Прислушивается: в недрах высокого здания плачет ребёнок. Звук разносится эхом, множится, становится выше, переходя в нестерпимый, сверлящий череп визг.

– Твою мать!!! – орёт Доминик, стискивая ладонями виски.

Сползает по выщербленной стене в воняющем мочой углу, ловит ртом воздух. Где-то хлопает дверь, бьющийся в голове визг лопается, оставив тупую боль. Ники стонет, ругается сквозь зубы. В лабиринтах коридоров слышатся шаги – мужские, тяжёлые. Дежурные? Охрана? Случайных людей в этом здании не бывает.

– Э-эй! – зовёт Ники. – Сюда!

Шаги на мгновение замирают, и Ники кричит снова. С удовлетворением отмечает: услышали, бегут. Теперь надо привести себя в порядок, напустить вид, подобающий отпрыску семьи Каро. Дышать ровнее.

Из темноты выныривают лучи тусклых фонарей, шарят по лицу Ники. Он поднимает руку, защищая глаза.

– Свои, – ворчит он. – Повезливее!

– Месье Каро? – окликает его знакомый голос. Точно, охранники. Небывалое везение.

– Помогите встать, – распоряжается Доминик, стараясь придать голосу твёрдость.

Крепкие руки поднимают его, один из охранников подставляет плечо. Второму Доминик вручает коробку.

– Проводите меня к Сирилю.

– Да, месье Каро. Он будет рад вашему визиту.

С поддержкой передвигаться гораздо легче. Даже дышать становится проще. Ники следует по длинному коридору, рассматривая знакомые граффити в свете фонарей. «А некоторым из них больше ста лет», – неожиданно вспоминает он.

– Люди смертны, искусство вечно, – думает Ники вслух.

– О чём вы, месье Каро?

– О том, что, когда мы все будем помирать от голода или эпидемии, надписи со стен будут смотреть, как корчатся венцы эволюции.

Охранник хмыкает, будто Доминик сказал что-то смешное. «Услышал забавные незнакомые слова», – с раздражением понимает Ники и спрашивает у верзилы:

– Ты читать-писать умеешь?

За него отвечает его до сих пор молчавший напарник:

– А оно нам зачем? Кому нужна грамотность в Третьем круге? Мы тут с малолетства работаем по шестнадцать часов. Мозгами тяжести на фабрике не потаскаешь.

– Что-то ты для фабрики слишком откормленный, – язвит Ники. – Или Сириль собственное производство открыл втайне от властей?

– Две работы – две пайки, – ровным голосом отвечает охранник и поудобнее перехватывает руку Доминика на своём плече.

Оставшийся путь они проделывают молча. Доминик больше смотрит под ноги или на покрытые надписями стены. Коридоры, лестничные пролёты, проходные брошенные квартиры... Хорошо прячется Сириль. Мало того что в здание просто так не войти – попробуй ещё найди здесь нужное помещение. Сомнительно, что это возможно даже при свете дня.

Ещё один поворот, шаткий мостик над обрушившейся бетонной плитой. За ним – не приметная обшарпанная дверь. Площадку перед входом освещает на редкость яркий фонарь. Глухо лязгает металлический засов, дверь открывается. Охранники оставляют Доминика и возвращаются к патрулированию здания. Ники напускает на себя бодрый вид и переступает порог.

– Доброй ночи, месье Каро, – приветствует его невзрачный мальчишка лет двенадцати.

– Как служба, Дидье? – подмигивает ему Ники, снимая куртку и пристраивая её на рогающую бронзовую вешалку в углу.

– Хозяин доволен, – сдержанно улыбается тот. И приподнимает перед визитёром край тяжёлой бархатной шторы, отделяющей прихожую от основных апартаментов.

Если бы Доминик не видел своими глазами, как виртуозно мальчишка управляет с ножами и с какой быстротой и точностью они поражают движущиеся цели, он посмеялся бы, что один из теневого правителей Азиля держит в телохранителях ребёнка. Но он видел, и увиденное заставляет его относиться к Дидье с уважением.

По ту сторону шторы полумрак. В воздухе – лёгкий запах дыма с уже знакомой Доминику Каро ноткой пряности. Зал кажется огромным, и не напрасно: он составлен из четырёх комнат, между которыми снесены перегородки. Обстановка сошла бы за бедную, если бы не стеллаж с книгами у одной из стен. Хозяин апартаментов – сухощавый седой мужчина лет пятидесяти – сидит в углу за письменным столом и курит старинную изогнутую трубку. И трубка, и стол, и книги, и серая рубашка на пуговицах, и аккуратная стрижка – великолепие, доступное лишь обитателям Ядра. Но это Сириль – один из миродержцев Третьего круга, и он может позволить себе любую роскошь.

Кроме легального пребывания в Ядре, мысленно поправляет себя Ники.

Увидев визитёра, Сириль откладывает трубку, поднимается с места.

– Дорогой гость! – восклицает он. – Странно видеть тебя здесь, а не в клубе. А где твоя девица?

Ники пересекает комнату, протягивает руку в знак приветствия. Рукопожатие Сириля крепкое, деловое. Тонкие губы трогают тень улыбки, но глаза остаются холодными. Формальная радость, привычная настороженность.

– Девицу отправил домой, у неё ранний подъём. Я по делу.

Ноги перестают держать Доминика, и он тяжело оседает на стул. Сириль хмурится, высокий лоб прорезают морщины.

– Плохо выглядишь. Что-то принял, нужен антидот?

– Ходил посмотреть на звёзды, – признаётся Ники. – Не думал, что это так скажется. Сириль, вот эта коробочка – аванс за одну услугу. Там виноград.

– Куда ж вас понесло без фильтра, пылкий юноша?

Доминик каменеет лицом, распрямляет спину.

– Читайте нотации своим подчинённым, Сириль. Перед вами как минимум равный.

Хозяин усмехается – едва заметно. Кладёт трубку в тяжёлую стеклянную пепельницу на краю стола, проходит в глубь комнаты, где ведёт на второй ярус винтовая лестница, и зовёт:

– Элоди!

Наверху скрипит кровать, слышатся шаги, и сонный женский голос откликается:

– Что случилось?

– Оденься и принеси мне иньектор и коробку с третьей полки стеллажа. Небольшой пластиковый контейнер с синей крышкой. У нас гость, и требуется помощь.

Сириль возвращается к Доминику, усаживается, внимательно смотрит на тяжело дышащего молодого человека и спрашивает вполголоса:

– Так что у тебя за дело?

– Сперва скажите, что вы собираетесь мне вколоть, – недоверчиво бурчит Доминик.

– Эритропоэтин и оксигематин. Один нейтрализует действие диоксида азота на гем, второй усиливает выработку красных кровяных телец, – скучным тоном отвечает Сириль. – Давай уже к делу.

Ники медлит, подбирая слова, потом выдаёт:

– Мне нужно, чтобы ваш человек перебил моей девушке Код до уровня свободного доступа в Ядро. Или хотя бы до рабочего доступа.

Теперь уже Сириль медлит, не сводя с лица Доминика цепкого внимательного взгляда. Он молчит, и затянувшаяся пауза заставляет молодого человека продолжить:

– Я точно знаю, что у вас есть такие умельцы. Даже знаю, что это женщина. Потому и пришёл. За ценой не постою.

По лестнице спускается сутулая коротко стриженная женщина лет сорока. В левой руке она несёт пластиковый контейнер, правой придерживает на груди запахнутый халат. Сириль бросает на неё быстрый взгляд, склоняется к уху Доминика и шепчет:

– Тебе не жалко девчонку, Каро? За что ты с ней так?

– Она будет под моей опекой. Я так хочу. Остальное никого не касается, – тоном, не допускающим возражений, чеканит Ники.

Сириль сокрушённо качает головой.

– Ты платишь, Доминик. Я исполняю. Но расплачиваться придётся твоей косоглазой. Ты об этом подумал?

– Ты исполняешь? – с нажимом переспрашивает молодой человек.

– Да. Исполняю. И давай уже закатывай рукав. Мои люди доведут тебя до машины. А мы с женой наконец-то пойдём спать.

II Онамадзу

Штиль. Сейнер неподвижно замер в километре от берега – серый, последний раз крашенный в незапамятные времена, с изъеденными ржавчиной бортами и почти стёршимся названием – «Проныра». Под полуденным майским солнцем он похож на рыбу, которую старательно добывает для жителей Азиля, – тусклый, неприметный на фоне морской глади.

Капитан Франс Гревье и его команда отдыхают в кубрике. Невысокая скуластая Акеми как единственная женщина в их компании разливает по стальным мискам жидкий суп с йодистым водорослевым амбре. Разговоры привычно сводятся к трём темам: улов, выпивка и обсуждения очередного дурацкого сна белобрысого юнги Жилия.

– Не томи! – перекрывая общий хохот, громогласно требует Гревье. – Давай дальше! Огюст угадал? В листьях баба спала?

Жиль вспыхивает до корней волос и делает вид, что, кроме супа в миске, его больше ничего не интересует.

– Боннэ, дьяволёнок, рассказывай дальше! – орут рыбаки наперебой. – Что там было, в этих листьях? Боннэ, дала тебе эта красotka или нет?

Мальчишка молча орудует ложкой, левой рукой придерживая чёлку, закрывающую половину лица. Капитан толкает его в плечо:

– Боннэ, хорош ломаться! Давай дальше рассказывай! Или полетишь за борт!

– Вы п-помешались на б-бабах, вот так вот! – взрывается Жиль. – Д-даже в рыбе их видите! Не б-было н-никого в моём сне! К-куча листьев, и всё!

От хохота команды дребезжит половник в опустевшей кастрюле.

– За борт! – радостно орут четырнадцать глоток.

Молчит только Акеми, потягивая свою порцию супа из кружки. Она безразлично наблюдает, как Жилия хватают двое рыбаков, как боцман напяливает на мальчишку пробковый спасательный жилет и команда с довольным гомоном выносит свою жертву на палубу. Акеми провожает их взглядом и пожимает плечами: одно и то же почти каждый раз. Когда им надоест издеваться над мальчишкой? Жиль пришёл на сейнер почти два года назад, и с тех пор редкий выход в море обходится без вышвыривания мальчика за борт по любому поводу. Боцман и помощник капитана даже соревнуются, кто дальше метнёт тощего юнгу. А вылавливать его всегда достаётся ей.

– Что – других нет? – возмущается всякий раз Акеми. – Я среди вас не младшая, плаваю не лучше всех. Почему всегда я?

Ответ каждый раз один и тот же: «Да потому что у тебя нет яиц!»

– Да чёрт бы вас побрал, – раздражённо ворчит Акеми, бросая кружку в бак для грязной посуды.

Дикий крик заставляет её выметнуться на палубу. Жиль орёт так, будто его рвут на части. Сейнер вздрагивает под ногами Акеми, её швыряет в сторону бака – туда, где свалены кучей снасти. Прежде чем на палубу обрушивается шквал холодных горьких брызг, девушка успевает заметить, что команда сгрудилась на корме и напряжённо вглядывается в серую водную гладь. Волна волочёт Акеми к противоположному борту. Кто-то из команды бросается к ней, хватая за воротник штормовки. Катетер воздушного фильтра цепляется за петлю застёжки, девушка вскрикивает от боли, прижимает тонкую трубочку к лицу пальцами.

Воцаряется тишина. Как будто случившееся секунды назад было мороком. Акеми отжимает на себе промокший насквозь свитер, заправляет за уши подстриженные пряди тёмно-русых волос и вдруг понимает, что юнги на палубе нет.

– А где Жиль? – спрашивает она.

Ей никто не отвечает. Вся команда по приказу Гревье бросается по местам. Акеми быстро надевает спасательный жилет, застёгивает его непослушными пальцами. Сейнер прибавляет скорости, даёт лёгкий крен на левый борт – идёт на разворот.

– Убираемся отсюда, быстро! – орёт Гревье.

Акеми уже на баке. Видит фигурку в пробковом жилете, похожую на поплавок, скачущий в волнах, и зовёт:

– Жиль! Жиль, плыви сюда!

Юнга что-то кричит в ответ, машет рукой, но судно набирает скорость, уходит всё дальше.

– Капитан, что вы творите? Вернитесь за ним, мы не можем его бро...

И, осёкшись на полуслове, вглядывается в воду. Под сейнером проплывает что-то громадное, молочно-белое. Секунда – и корабль сотрясает новый удар, куда сильнее предыдущего. Люди что-то кричат, мечутся. Акеми круглыми от ужаса глазами провожает гигантское нечто. В сотне метров от сейнера над морем взмывает белый хвостовой плавник размером с половину судна.

– Онамадзу¹!... – шепчет девушка в ужасе.

– Оно плывёт обратно!!! – орёт с мостика боцман.

Не раздумывая, Акеми швыряет в воду спасательный круг, прыгает за борт и отчаянно гребёт прочь от сейнера. Глаза крепко зажмурены, мысль, что глубина под ней становится белой, повергает её в ужас. Каждую секунду Акеми помнит, что в море она пловец никудышный, но желание жить придаёт сил.

Позади неё сейнер вздрагивает, поднимается над водой, на мгновение открывшей широкую спину морского гиганта. Корабль, кажущийся таким игрушечным, подбрасывает вверх. В воздухе его с резким скрежетом разрывает пополам, и обломки скрываются в бурлящей воде. Набежавшая волна накрывает Акеми с головой, но жилет и спасательный круг выталкивают девушку на поверхность. Она выплёвывает горькую воду, откашливается и озирается по сторонам.

Затянутое серой дымкой небо. Тусклое солнце. Берег, кажущийся близким, но до которого плыть и плыть. И холодная морская гладь от края до края.

Девушка пытается приподняться, опираясь на круг руками. Её колотит – то ли от страха, то ли от холода.

– Эй! – кричит она изо всех сил. – Э-эй!!! Помогите! Я здесь!

Взгляд скользит по поверхности воды, ища движение, но не находит и невольно обращается в глубину. Акеми кажется, что вот-вот во тьме под ней посветлеет и появится чудовищная белая рыба с громадной жадной пастью.

– Помогите! – визжит Акеми. – Кто-нибудь! Помогите!!!

Она старается вскарабкаться на круг коленями, срывается, погружается с головой. Открывает глаза и видит неясные тени далеко под собой. Выныривает, снова хватается за круг и замирает, тяжело дыша.

И слышит сквозь плеск волн резкий отрывистый свист.

– Я здесь! – кричит Акеми. – Сюда!

Свист прекращается, Акеми продолжает звать и слышит его снова. Где-то левее, недалеко. Она ложится на спасательный круг животом и гребёт в сторону звука. Страх отступает, вытесненный радостью: она не одна. Кто-то есть рядом – значит, они обязательно доберутся до берега. Только сперва надо доплыть до того, кто...

– Акеми! Акеми, это т-ты? – слышится сиплый от страха голос.

¹ *Онамадзу* (яп.) – мифический гигантский сом, вызывающий землетрясения.

Теперь она видит его – скачущий в волнах поплавок пробкового жилета, отчаянно машущая рука. Он замолкает, кашляет, снова дует в свисток.

– Я вижу тебя, Жиль! – кричит Акеми и смеётся. – Сюда! Плыви ко мне!

Ещё несколько сильных гребков, и мальчишка совсем рядом. Акеми хватается за руку, подтягивает к себе. Юнга бледный, губы синюшные, трясутся, глаза наливаются слезами.

– Не реви! – строго велит Акеми, прижимается лбом к его щеке, покрытой рваными рубцами безобразных шрамов, и беззвучно плачет.

– Сама ревёшь, в-вот так вот, – стуча зубами, укоризненно отзывается Жиль.

Она молчит. Держит мальчишку мёртвой хваткой и прокручивает в голове только одну фразу: «Мы живы и возвращаемся домой».

После часа в холодной воде песок на берегу кажется горячим. Хочется зарыться в него и уснуть, но Акеми даже передохнуть не даёт.

– Жиль, подъём. Не будешь двигаться – замёрзнешь насмерть. И вспомни, какой дрянью мы дышим.

Мальчишка собирает песок в горсти, прикладывает к нему здоровой щекой.

– Я устал. П-пара минут отдыха ничего н-не решит.

Акеми едва держится на ногах, дышит теплом на ладони. Она никогда не признается, как ей самой хочется сесть рядом с Жилем, выдохнуть и дать телу отдых. Сейчас важнее убраться с заброшенного пляжа. Переодеться в сухое. Заменить воздушные фильтры. Доложить о происшествии в море. Срочно найти работу. А уже потом добраться домой и упасть спать.

– Чего ты смеёшься? – хмуро спрашивает девушка.

Жиль сидит, обняв острые колени и уткнувшись в них лбом, плечи его вздрагивают. Если бы Акеми не знала его без малого два года, то решила бы, что он плачет. Но этот мальчишка при ней не плакал ни разу, хоть и были поводы даже для мужских слёз. Вот хотя бы час назад.

– Жиль? – ещё раз окликает она и отвечает ему лёгкий подзатыльник.

Он откидывается на спину, раскинув руки, и хохочет уже в голос. Акеми встаёт над ним, уперев кулаки в бока, лицо её очень серьёзно.

– Или ты прекращаешь это глупое ржание, или я решу, что ты тронулся. Ну?

Отсмеявшись вволю, Жиль переводит дыхание, встаёт, тщательно стряхивает песок с заношенной мокрой одежды, смотрит на суровую Акеми – и его лицо снова расплывается в улыбке.

– Т-ты только п-представь, что мы ск-кажем в п-порту. Что нас зашибла рыба! Зд-доровая рыбина, вот так вот!

Акеми с трудом сохраняет серьёзность. Да уж, мальчишка прав. Звучит настолько бредово, что их запросто засмеют. Прозвище «Рыбой ушибленные» они заслужили. А потом накрывает осознание, что на берегу они вдвоём. И больше никого.

– Жиль, это очень смешно. Очень. Но из всей команды «Проныры», похоже, уцелели только мы. И теперь мы с тобой безработные. Ничего? – спрашивает она. И, не дождавшись ответа, бредёт в сторону города.

Мальчишка вздыхает и покорно плетётся за ней. Ноги вязнут в песке, в старых разбитых ботинках противно чавкает вода. Ветер сушит штормовку, студит тело под коротким свитером, из которого Жиль вырос ещё в прошлом году. От холода простреливает изуродованную левую часть лица, и мальчишка прикладывает к ней ладонь – так легче. Он смотрит на серые башни городских многоэтажек впереди и гадает: видел ли хоть кто-то с берега то, что случилось с сейнером? Если не найдётся свидетелей, кто поверит их рассказу?

– Акеми!

– Чего тебе? – не оборачиваясь, откликается она.

– П-погоди!

– Шагай давай!

У опоры Купола девушка останавливается перевести дух. Опирается спиной на массивную колонну, морщится от боли в икрах. И наблюдает устало, как Жиль, шатаясь, ковыляет по песку.

– Вот смотрю на тебя и думаю: ты младше меня почти на десять лет, а ползёшь еле-еле, как жирный старый элитарий. Стыдись!

Поравнявшись с ней, Жиль отвечает:

– В-вот смотрю я н-на тебя сейчас – и в-вижу злую п-подтирку для жопы. Хотя ты в-вроде д-добрая девушка, вот так вот, – и тут же бросается бежать.

Акеми позволяет ему удалиться на несколько метров, за это время стаскивает с ноги тяжеленный ботинок, тщательно прицеливается и швыряет. Башмак с металлической набойкой на подошве прилетает Жилю аккурат между лопаток. Мальчишка жалобно вскрикивает и падает в пыль. Удовлетворённо хмыкнув, Акеми усаживается под опору, подобрав под себя ноги.

Жиль кашляет, отплёвывается, быстро садится, хватая ботинок и готовится ловить второй. Акеми видит его перепуганное лицо и с трудом удерживается от смеха. Победитель не должен злорадствовать – только тогда победа будет чистой.

Секунды бегут, холод пробирается под одежду. Кожа покрывается мурашками, чешется от корочек присохшей соли. Ветер гонит волны мелкого песка и бурой пыли, замечает дорогу из бетонных плит, ведущих от города к пляжу. Высотки, ближе всех стоящие к границе города, слепо таращатся пустыми оконными пролётами. Жиль напряжённо смотрит на безмятежно сидящую у опоры девушку.

– Ну? – не выдерживает он наконец.

Акеми кивком указывает на ботинок в его руке:

– Принеси обратно.

Жиль сплёвывает в сторону, усмехается и сообщает:

– Квиты. А ещё д-друг называешься. Вот так вот.

Он подходит к Акеми, отдаёт ей ботинок. Дожидается, когда девушка обуеться, помогает ей подняться.

– Бака, – почти нежно говорит она и ерошит светлые волосы мальчишки.

До города они идут молча. Акеми мрачно размышляет о предстоящем разговоре с хозяевами сейнера, Жиль насвистывает что-то заунывное, пиная попадающиеся по пути камешки. Постепенно они минуют заброшенный квартал, и на улицах начинают попадаться прохожие. Косятся с удивлением на парочку, провожают взглядами. Мокрый человек на улицах Азиля в погожий день – явление из разряда невероятных. В море выходят только единицы – те, кто ради кормёжки, одежды и медицинского обслуживания готов дышать дрянью, сокращающей жизнь лет на десять. А идущие со стороны пляжа двое вымокших и шатающихся от усталости рыбаков в спасжилетах – вообще знак беды. Море – единственный источник пищи, хоть как-то отличающейся от кукурузных лепёшек на воде и безвкусного белкового бульона с синтезированными добавками необходимых веществ, к которым привыкли жители Третьего круга Азиля. И когда добытчики морских даров возвращаются с видом побеждённых...

– Бесит, когда так пелятся, – рычит тихонько Акеми.

– Н-не злись. Их там не б-было.

– Вот именно! И зачем таращиться, будто перед ними отъявленные неудачники, которые просрали весь мир? – взрывается девушка.

Жиль сердито шикает на неё, тянет за локоть в переулок.

– Их т-там не было, – повторяет мальчишка. – Они н-не видели. Не п-поймут, вот так вот. Не т-трать зря силы.

Акеми глубоко вдыхает, мысленно считает до тридцати. Приступ гнева уходит, она снова спокойна и сдержанна.

– Давай пробежимся, если сможешь. Тут уже недалеко осталось, а нам бы согреться.

И снова хлюпает в разбитых ботинках вода и болят натруженные мышцы. Зато чужие взгляды пролетают мимо, как быстрые испуганные рыбёшки. Это уже не та рыба, что может тебя съесть. Это мелочь, недостойная внимания.

Жиль ловит на бегу посветлевший взгляд Акеми и украдкой улыбается. Его охватывает гордость всякий раз, когда удаётся выглядеть в глазах Акеми взрослым и рассудительным, а не обидным «бака». Жаль, что такие случаи пока выпадают редко. «Как Орб не несёт свои воды вспять, так и ты не становишься моложе», – вспоминает он сказанное отцом Акеми. Но это Жилия не расстраивает. Когда ты всего лишь подросток, перспектива необратимости взросления только в радость.

– Вот так вот, – словно читая его мысли, подмигивает мальчишке Акеми.

В столовой почти безлюдно. Проверяющая – рыхлая и бледная немолодая женщина – тихо дремлет у входа. Жиль шёпотом предлагает прошмыгнуть мимо неё, поесть, а потом выйти через служебный вход, вернуться и поесть ещё раз, но уже проставив на предплечье обеденный штамп. Акеми молча отвечает ему подзатыльник, но мысленно признаёт, что план мальчишки не так уж и плох.

– Мадам, – обращается она к женщине. – Здравствуйте, мадам. Как нам найти месье Дюваля?

Проверяющая щедро зевает – её дыхание дурно пахнет. Поправляет синий форменный комбинезон, выбирается из-за стола и идёт в сторону кухни.

– М-мадам! – окликает её Жиль. – Нам бы п-поесть...

– Я не могу разорваться, – растягивая слова, отвечает женщина. – Сначала одно, и только потом другое.

И исчезает за углом, откуда доносится грохот посуды и плеск воды. Обеденный перерыв недавно закончился, и работники кухни торопятся перемыть миски и кружки за целой толпой народу. Жиль принюхивается, глотает слюну.

– Н-нам могут отказать в п-питании, к-как думаешь? К-кажется, талоны слиплись в к-кармане...

Акеми пожимает плечами.

– Мы теперь безработные. Наверное, могут.

– А если н-не сообщать, что...

– Бака! – обрывает его девушка. – Узнают – отправят на чистку канализации. Или на вредное производство. И пайку урежут вдвое.

Проверяющая вскоре возвращается, и с ней идёт мужчина лет тридцати в дешёвом, но очень аккуратном сером костюме. Акеми обращает внимание на его чистые, ухоженные руки и бережно подстриженные, тоже чистые волосы. И давит вздох.

– Здравствуйте, – обращается она к мужчине. – Это вы месье Дюваль?

– Да, я. А кто вы?

– М-мы с сейнера «П-проныра», – встречает Жиль раньше, чем Акеми успеваеет его одёрнуть.

Дюваль кивает, прищурившись.

– С бывшего сейнера «Проныра», ведь так?

Жиль и Акеми сокрушённо вздыхают.

– Мы не единственные уцелевшие? – осторожно интересуется девушка.

– Конечно. Иначе откуда бы мне знать, что сейнер затонул? Давайте сядем и поговорим. Голодны? Вижу, что да.

Жиль вытаскивает из кармана то, что осталось от талонов на питание, протягивает бурую бумажную массу Дювалю. Тот понимающе кивает, забирает бумажный комочек и указывает Жилю и Акеми в сторону столовой:

– Пройдите. Я догоню.

Помещение столовой длинное и узкое, как лента водоросли. Жиль молотит жидкую кукурузную кашу так, будто не ел неделю. Акеми неторопливо потягивает из кружки кипятка с тремя ложками сахара и рассказывает Дювалю, что с ними произошло. Выпитые полстакана рома делают девушку весьма словоохотливой.

– Я не знаю, как описал эту тварь Пьер, но мне она показалась огромной. Таких громадин я в жизни не видела, месье Дюваль! Она сперва прошла под судном, качнула его. Я даже упала. А потом метрах в десяти от нас показался её хвост. Представляете себе рыбий плавник с пятиэтажный дом?

Дюваль кивает, хмуря кустистые брови. Акеми взбалтывает остатки сахара в кружке, делает ещё глоток.

– Она белая-белая. До сих пор перед глазами стоит эта белизна под водой. Пьер её видел?

– Хвостовой плавник, – подтверждает Дюваль.

Акеми отставляет опустевшую кружку, задерживает взгляд на рукаве куртки, который теперь украшает свежая прореха.

– Дальше я плохо помню. Прыгнула за борт, потому что поняла, что если останусь – погибну. Я видела берег, плыла туда. Потом нашёлся Жиль, и мы выбирались вдвоём.

– Эта ммм... рыба вас не преследовала?

– Нет. Мне кажется, мы слишком малы для неё.

Девушка тербит дырявый рукав, смотрит на Жилия, потом на свои руки – и спрашивает:

– А вы нам вообще-то верите?

Дюваль медлит, пожимает плечами... и только открывает рот для ответа, как с улицы доносится истошный вопль:

– Лёд!!! Все сюда!

Жиль подпрыгивает с места первым, несётся на кухню. Акеми и Дюваль бегут за ним. В кухне несколько человек уже набирают воду в ведра.

– Б-быстрее же! – торопит мальчишка, приплясывая на месте с пока ещё пустой кастрюлей в руках.

Набрав воды, все трое спешат на улицу. На углу соседнего здания толпится народ, по цепочке передают ёмкости с водой. Люди сосредоточены и взволнованы, из окон окрестных домов с любопытством глазают дети.

– Смотрите под ноги! – кричит кто-то впереди Жилия.

Мальчишка успевает свернуть, едва не налетев на торчащий из-под земли бледно-голубой островерхий кристалл. Останавливается и льёт воду из кастрюли на идеальный блестящий шестигранник – бережно, тонкой струйкой. Кристалл дробится на острые брызги, которые тают, едва коснувшись земли. Вода иссыкает, оставив от него кусок не больше детского кулачка. Жиль крошит кристалл подошвой ботинка, а потом озирается – не видит ли кто? – расстёгивает штаны и с наслаждением мочится на разбитый лёд. Покончив с кристаллом, он осматривается вокруг в поисках ледяных ростков. И мысленно считает до ста, помня, что новые «всходы» не появляются позднее минуты-двух от самого первого. Чисто. Видимо, кристалл, который он разрушил, был последним.

За несколько минут толпа рассасывается, люди возвращаются к своим делам. К Жилию подходит Акеми с пустым ведром. Он улыбается ей и гордо вскидывает подбородок.

– Я п-последний загасил! – хвалится мальчишка. – В-вот так вот!

– Я помогала растопить первый, судя по величине. Метровый.

– Н-никто не пострадал?

– На этот раз никто.

Они возвращают кастрюлю и ведро проверяющей в столовой и дожидаются Дюваля. Тот сейчас мало чем отличается от них: мокрый, всклокоченный, в грязных ботинках.

- Странно, – задумчиво говорит он. – Очень быстрый рост. Раньше такого не было.
- Сантиметров семь в минуту? – уточняет Акеми.
- Гораздо быстрее. Больше десяти.

Жиль удивлённо присвистывает.

- Здесь был кристалит, – уверенно кивает Акеми. – Без вариантов.
- Или л-лёд учится расти б-быстрее. Он умнеет.
- Бака! – фыркает девушка. – У льда мозгов не больше, чем у тебя.

Жиль обиженно сопит и отворачивается. Дюваль выдерживает паузу и касается плеча Акеми:

– Давайте-ка оба в соцслужбу. Сириль не будет вас содержать за свой счёт, будь вы хоть четырежды героями. Получите работу, замените фильтры, переоденетесь. За углом налево – остановка гиробуса, соцслужба отсюда в трёх секторах по часовой стрелке. Если вы нам понадобитесь, вас найдут.

Коротко кивнув вместо прощания, Дюваль уходит. Жиль и Акеми провожают его глазами, потом мальчишка решительно направляется к остановке.

- Эй, рыбой ушибленный! – кричит Акеми. – Без меня ни шагу!

Спустя полчаса скрипучий красный гиробус увозит их из Шестого сектора.

Любой житель Второго и Третьего круга Азиля старше тринадцати лет знает, как найти здание социальной службы города. Указатели есть на каждом перекрёстке, а не запомнить с первого раза облицованную снежно-белой плиткой помпезную десятиэтажку и эмблему на её фасаде – руки взрослого, вкладывающие в руки ребёнка яблоко, – простительно ну разве что младенцу. А что настоящее яблоко почти никто из обитателей Третьего круга никогда не видел, не так уж и важно. Соцслужба работает в каждом четвёртом секторе. И занимается трудоустройством горожан и обеспечением их жизненно необходимыми вещами: одеждой, лекарствами, мелкими предметами быта и жильём.

Акеми и Жиль проводят в этом здании четыре долгих часа. Сначала одна очередь – к терминалу, у которого их встречает чистенькая улыбчивая девушка.

– Здравствуйтесь, добро пожаловать! – щебечет она. – Я рада вас приветствовать в бюро социальной защиты и найма. Меня зовут Симона. Расскажите мне, по какому вопросу вы пришли, и мы выберем для вас соответствующий раздел помощи.

Акеми смотрит на неё с лёгким отвращением. Что-то неестественное кроется в улыбке этой миленькой чистюли, в её аккуратно уложенных светлых волосах, в подогнанной строго по фигуре отутюженной униформе. Жиль смущённо сутулится при виде красотки, поднимает повыше воротник куртки, пряча левую щёку.

– Мы остались без работы, нам бы заменить воздушные фильтры и по возможности переодеться в сухое, – безэмоционально диктует Акеми.

Не переставая улыбаться, Симона нажимает несколько клавиш под монитором терминала и просит:

- Пожалуйста, подходите по одному и позвольте системе опознать ваш код.

Акеми подходит к терминалу, становится спиной к нему на место, обозначенное на полу белым крестом. Склоняет голову, открывая вытатуированную на шее цепочку из цифр и тонких линий. Симона запускает сканирование и сообщает:

– Пожалуйста, стойте неподвижно. Вся процедура идентификации займёт не более тридцати секунд.

Меньше чем через минуту терминал издаёт мягкое гудение и выплёвывает в нишу под экраном, на котором высветились данные Акеми, три жетона разной формы. Симона подаёт их девушке и поясняет:

– Этот жетон – для получения нового воздушного фильтра, вам с ним на третий этаж, секция справа. Этот – на склад одежды, он у нас на первом этаже, вон там. И последний – в отдел трудоустройства, седьмой этаж.

Акеми кивает вместо слов благодарности, забирает жетоны и отходит в сторону подождать Жилия. Мальчишка повторяет ту же процедуру идентификации. Акеми смотрит на него, пока он стоит спиной к сканеру, и не может отделаться от ощущения, что Жиль чего-то очень сильно боится. Губы сомкнуты в прямую линию, взгляд направлен в пол, кончики пальцев сжаты щепоткой и словно что-то монотонно перетирают. Нервничает? Почему? Когда Жиль возвращается с полученными жетонами, Акеми прямо спрашивает, что с ним происходит.

– Н-напрягает, – хмуро отвечает мальчишка и отворачивается.

Они быстро заменяют капсулы воздушных фильтров на новые, получают по комбинезону и комплекту нижнего белья и по паре акриловых пледов. И, переодевшись по очереди в тесном, грязном туалете, следуют в отдел трудоустройства. В зале ожидания около восьмидесяти человек. Воняет потом, в одном углу кто-то надсадно кашляет, из другого доносится богатырский храп. Акеми вспоминает, что раньше здесь стояли длинные скамьи – но теперь их нет, и люди стоят вдоль стен или сидят на полу. Выяснив очерёдность, парочка усаживается, завернувшись в пледы, и готовится долго-долго ждать. Пока подходит их очередь, они успевают поспать, прижавшись друг к другу.

Первой в маленький кабинет заходит Акеми. Вежливо здоровается с немолодой женщиной, сидящей за компьютерным столом. У неё внимательный, цепкий взгляд и морщины около рта, придающие лицу жёсткое выражение.

– Присаживайтесь. – Она указывает на стул напротив двери. – Как ваше имя?

– Акеми Дарэ Ка, мадам.

Клавиши щёлкают под пальцами женщины, она задаёт вопросы, не глядя на визитёршу.

– Возраст?

– Двадцать три года.

– Профессиональные навыки?

– Общие, наверное, – отвечает Акеми с запинкой.

– Где работали прежде?

– Посудомойкой в одиннадцатом секторе, потом три с половиной года рыбачила на сейнере «Проньра».

– Почему менялось место работы? Вас увольняли?

– Нет. В море было опаснее, но там лучше с кормёжкой. С сегодняшнего дня я там не работаю. Потому что сейнер затонул.

– Как это случилось? Халатность экипажа?

Акеми мнётся. Тон женщины вроде бы доброжелательный, но девушку не оставляет ощущение, что её пытаются очернить.

– Халатности не было. Сейнер столкнулся с... – она снова запинаясь, подыскивая слова. – Это прозвучит странно и нелепо, но... Нас потопила какая-то громадная тварь.

Лицо женщины остаётся бесстрастным. Щёлкают клавиши, звучит следующий вопрос:

– С кем вы живёте? Одна или есть семья, дети?

– Я живу с отцом и сестрой. Детей нет.

– Какой у вас уровень доступа?

Акеми молчит. Во рту сухо, она не может произнести то, что отрежет её от любой работы, кроме посудомойки или уборщицы. Женщина-соцработник наконец-то поднимает глаза от компьютера.

– Какой у вас уровень доступа? – мягко повторяет она.

– Третий.

Щёлк, щёлк, щёлк... Девушке кажется, что это не клавиши стучат под пальцами, а кто-то бросает в неё камни.

– Какой уровень доступа был вам присвоен в тринадцать лет?

– Второй.

– По какой причине его понизили?

Акеми упирается взглядом в стену перед собой. Внутри неё кипят слова, готовые хлынуть потоком дерзостей и горьких обвинений, к горлу подступают злые слёзы. «Надо быть как камень, – думает она, стискивая зубы. – Камни не испытывают эмоций, камень твёрд. Камень не делает зла». Она старается расслабиться, дышать ровнее и глубже.

– По какой причине вам понизили уровень доступа?

– Агрессия, – глухо отвечает Акеми.

Женщина хмурится. Всего мгновение – но Акеми успевает это заметить.

– Вы посещаете церковь?

– Нет. Я не католичка.

Снова щёлкают клавиши, отмеряя секунды. Девушка ждёт следующего вопроса с затаённой тоской.

– Акеми, я напомню, что раз в пять лет вы можете подать заявку на пересмотр вашего уровня доступа.

– Да, мадам, спасибо.

Губы женщины трогает лёгкая улыбка.

– Я просмотрела вакансии, на которые вы можете претендовать. Учла влияние места работы на возможность повышения уровня доступа. Есть только один вариант, но он очень неплох.

– Какой?

– Работник траурного зала крематория. Это в вашем родном секторе, не придётся ездить через весь город.

Акеми молчит, и это молчание подводит черту под диалогом.

– Приступаете с послезавтрашнего дня, а завтра о вас сообщат управляющему, – бодро говорит соцработница. – Адрес: сектор одиннадцать, Четвёртая линия. Чтобы отработать одежду и плед, первые две недели ваш рабочий день будет составлять двенадцать часов с одним выходным в неделю, далее – по десять часов с одним выходным в неделю. Всё, вы можете возвращаться домой. Если что-то понадобится, вы всегда можете к нам обратиться.

Девушка покидает кабинет с таким подавленным видом, что Жиль пугается:

– Т-ты чего?

– Иди, – шепчет Акеми и вяло машет рукой в сторону двери. Бредёт туда, где лежат их вещи, садится на пол в позу для медитации и закрывает глаза.

«Я должна стать камнем. Только так я всё преодолею...»

Через несколько минут её трясёт за плечо вернувшийся Жиль. Лицо у него раздосадованное, хоть он и пытается бодриться.

– В-вставай, уходим. Я т-теперь работник ц-целлюлозной фабрики, в-вот так вот, – сообщает он. – Хотя я ч-честно просился охранять склад п-продуктов или в-велорикшить в п-парке для элитариев на Вт-тором круге. А т-тебя куда?

– А меня – в самое спокойное место этого города, – бодро говорит девушка. – Ну что, по домам?

Жиль мнётся, переступая с ноги на ногу.

– Чего? – с подозрением спрашивает Акеми.

– М-мой сосед бабу п-привёл. И д-день, и н-ночь... – бурчит Жиль, щёки его покрываются пунцовыми пятнами. – М-можно я разок у вас п-переночую?

– А к отцу Ланглу чего не вернёшься?

Вместо ответа мальчишка нагибается и подбирает с пола плед. Сворачивает его аккуратно, закидывает на плечо и идёт к выходу. Акеми хочется догнать его и остановить, но она этого не делает.

Камень не должен сомневаться. Ни на мгновение.

III Жало

Ники Каро лежит, зарывшись в накиданные на кровать подушки, и мечтает оказаться где угодно, только не дома, в своей постели. Он вернулся в особняк Каро в пять утра: доехал с трудом, помял крыло электромобиля, задев фонарный столб, бросил машину у гаража одним колесом на газоне, оставил открытой входную дверь и наследил на любимых матушкиных персиковых коврах. Сейчас у Доминика ноют все мышцы, и он радуется только тому, что догадался, вернувшись, запереться в своей спальне на два замка. С девяти утра мадам Каро каждые полчаса требует открыть дверь и объясниться. Периодически к ней присоединяется супруг, и они клянут младшего сына дуэтом. Ники скрипит зубами, глубже закапывается в подушки и пытается дремать, когда голоса родителей смолкают.

Стук в очередной раз вырывает его из зыбкой дрёмы. Доминик рывком садится на кровати, швыряет в сторону двери подушку и в ярости орёт:

– Да пошли вы в жопу!!!

Стук возобновляется, но на этот раз он исходит не от входной двери, а со стороны окна. Кряхтя и охая, Ники спускается с постели, раздёргивает тяжёлые шторы и видит Амелию, сидящую снаружи на подоконнике.

– Бог ты мой, конопуха, второй этаж! – восклицает Доминик.

– Если ты меня непустишь, я прыгну и убьюсь, – мрачно заверяет она.

Ники поднимает раму, и довольно улыбающаяся девочка оказывается в его комнате. Поправляет пышную розовую юбку, смотрится в пыльное зеркало и озирается по сторонам.

– Ну у тебя и бардак! – выдыхает она восхищённо. – Ты что – убил и съел горничную?

Обходит комнату, поднимает с пола подушки, забрасывает их на кровать. Трогает ножкой в белом чулке валяющийся ботинок, рисует пальцем в пыли на столе. Доминик со вздохом опускается в кресло у окна.

– Ты как сюда забралась?

– Залезла на яблоню.

Амелия берёт в руки небольшой свёрток из целлюлозной бумаги, перевязанный синей лентой:

– Это мне, да?

– Положи. Это для моей девушки.

Она фыркает, но слушается. Шелестит юбкой, залезая на подлокотник кресла, придирчиво рассматривает Ники.

– Что? – бурчит он.

– Папа сказал, что ты конченный придурок, – торжественно объявляет Амелия. И тут же получает шлепка по губам.

– Не смей ругаться, гадкая конопуха! Рот зашью!

– Папа при мне сказал – значит, можно повторять. Если бы он сказал, а я подслушала – то ага, нельзя, – говорит Амелия обиженно. И тут же спрашивает: – А что такое «конченный придурок»?

Ники задумчиво чешет макушку. Он никак не может решить, что правильнее сделать: надрать поганке уши или ответить на заданный вопрос. Интуиция подсказывает, что вернее всего было бы врезать старшему брату, но так как Бастиана нет поблизости, этот вариант отпадает. Амелия смотрит на дядю выжидающе, и в её взгляде Доминику чудится насмешка. Внезапно Ники ощущает небывалый прилив сил. Улыбается и беззаботно отвечает племяннице:

– Конченный придурок, милая, – это я. Я окончательно и бесповоротно делаю, что хочу, и это раздражает окружающих. Например, твоего папу. И маму, наверное, тоже.

– Маму не раздражает. А вот бабушка сейчас так противно визжит на первом этаже, что о-ля-ля! – Амелия воздевает руки, пародируя жест, которым великосветские дамы выражают восхищение. И продолжает: – Дядя Ники, почему, когда я хулиганю, никто не кричит, а когда ты...

– Я не хулиганю, – строгим голосом перебивает её Ники. – Я заявляю о себе.

Амелия вздыхает и ложится поперёк кресла, спиной на колени Доминика. Болтает ногами, смотрит на небритый подбородок дяди снизу вверх.

– Это одно и то же. Просто детей наказывать можно, а взрослых нет, и на взрослых остаётся только орать. Вот вы и называете одно и то же разными словами.

– Мадемуазель Каро, вы непростительно умны для своего возраста. Вы где-то прячете пузырёк с волшебными таблетками, от которых растёт интеллект?

Амелия перестаёт болтать ногами, переворачивается на бок, тычет пальцами в пуговицы на рубашке Доминика.

– Что растёт?

– А, не такая умная, – хмыкает Ники, поднимает Амелию под мышки и ставит на пол перед собой. – Интеллект – это ум.

– Угу, взрослое слово, – кивает она. – Нет никаких волшебных таблеток. Волшебство есть только в маминых сказках, а там всё выдуманно. А я просто много читаю.

– Портишь свои прекрасные карие глаза. Кстати, ты зачем сюда явилась?

Амелия пожимает плечами и направляется к выходу, стараясь идти вдоль полосы узора на ковре.

– Конопуха! – напоминает о заданном вопросе Доминик.

Маленькие детские руки тянут дверную ручку вниз, потом дёргают сильнее, но дверь заперта и не поддаётся.

– Открой, – сурово требует Амелия, не поворачиваясь к Ники.

Он отпирает оба замка, услужливо распахивает перед девочкой дверь. Амелия гордо вскидывает подбородок и выходит. На пороге оборачивается и говорит:

– Хоть ты и неуч, но ты мой друг. И когда все вокруг кричат, что ты ужасно себя вёл, мне не хочется кричать то же самое. Я приходила, чтобы сказать, что больше на тебя не дуюсь. А ты мне даже не обрадовался.

И убегает, глухо топоча босыми пятками по ковровым дорожкам и поддерживая пышную юбку. Ники глядит ей вслед и чувствует себя уязвлённым. Потом с грохотом захлопывает дверь, прислоняется к ней спиной и переводит дыхание. Взгляд скользит по стене напротив, увешанной фотопортретами предков, стоявших у истоков создания Азиля. Двести лет истории.

– Уверен: вас никто не считал кончеными придурками, – с вызовом обращается к ним Доминик. – И вряд ли только потому, что никто из вас не был лишним ребёнком. Вы заставили себя уважать, ведь так? И я докажу, что показывать зубы в этом доме способна не только шестилетняя девочка.

Ему кажется, что люди с фотографий смотрят на него с одобрением.

Ники переодевается в свежую одежду, выбрав вместо привычных джинсов и лёгкой рубахи костюм для официальных визитов, кивает своему отражению в зеркале и с улыбкой касается лежащего на столе свёртка, перевязанного синей лентой.

– Сегодня, Кей.

Обеденный перерыв в заседании Совета Семи близится к концу. Бастиан Каро доедает остатки изысканного порционного киша с морской рыбой, отряхивает крошки с брюк салфеткой, покидает своё место и подходит к окну. Столовая находится на высоте четырёхсот семидесяти метров над землёй, охватывая башню Оси кольцом, и весь Азиль виден как на ладони.

Если идти вдоль стеклянной внешней стены, видны поля, фабрики, далёкое море и все двенадцать секторов Третьего круга, отделённые друг от друга бетонными стенами с КПП. Это необходимо на случай вспышек опасных болезней: всегда можно закрыть сектор на карантин. Ядро города утопает в зелени, в которой видны крыши аккуратных домов местных жителей. Дома настолько надёжны, что по прошествии двухсот лет существования Азиля им почти не нужен ремонт. Бастиан мысленно благодарит архитекторов из далёкого прошлого, смотрит на табло электронных часов и спешит подняться на десять этажей выше, в зал заседаний. Возвращаясь из столовой, он не пользуется лифтом: Советник обязан быть в превосходной физической форме. Многие жители Ядра настолько разочарались от хорошей жизни, что один лишь взгляд на них будит волны брезгливости. Если судьба избрала тебя для руководящей роли, ты обязан быть образцом для подражания – вот принцип, которому Советник Каро следует неотступно. Подтянутое, тренированное тело, острый ум, прекрасная память, максимальная самоотдача в работе. Когда ты – один из семерых, отвечающих за выживание целого города, приходится жить делом, которому служишь. Особенно если твой город – вероятно, последний оплот человечества.

Бастиан вспоминает разговор, состоявшийся год назад, во время одного из светских раутов. Обсуждали попытки обнаружить уцелевших вне Азиля. Нашупать осколки цивилизации, как выразился Пьер Робер – третий Советник и муж сестры Бастиана, Софи. Он отвечает за системы безопасности Азиля, работу с данными и уцелевшей компьютерной сетью. Пьер утверждал тогда, что ещё сорок лет назад на радиосвязь выходили убежища из Австралии, Канады, Китая, Арабских Эмиратов и с северо-востока России, но потом произошла поломка, которую не удалось устранить, и связь пропала. Несколько десятилетиями раньше общение происходило более чем с десятком стран.

«Мой предшественник говорил, что они умолкали по очереди, – рассказывал Пьер. – У одних разразилась эпидемия. У других – война. Третьи пропали внезапно. Наверное, мы для кого-то тоже исчезли без видимой причины».

Но потом, когда Робер вышел из комнаты, де Ги, старейший из Советников, сказал, что радиосвязь с внешним миром в Азиле вышла из строя слишком давно. Что не осталось тех, кто мог бы помнить её работающей. И что Пьер слишком молод, а молодости присущи ложные надежды.

«Никого больше нет. Мы последние. Помните об этом каждую минуту», – сказал де Ги.

Бастиан Каро помнит. Но почему-то не верит в то, что Азиль – единственный город, где есть жизнь. «Мы должны выжить и найти способ выйти на связь с другими убежищами. Даже если прав де Ги, а не Робер, это ничего не меняет, – думает Бастиан. – Это наш город, и мы обязаны сберечь его для выживания человечества».

Ещё несколько ступенек, поворот направо, сорок семь шагов по красной ковровой дорожке, что лежит на полу из пёстрого мрамора. Тяжёлая дверь с сенсорным замком. Бастиан прикладывает к считывающей панели ладонь, замок коротко щёлкает, впуская Советника в зал совещаний. За длинным столом в неудобных жёстких креслах с высокими спинками сидят четверо коллег Бастиана. Не хватает только вечно опаздывающего Советника Фейада. И традиционно пустует по средам место Седьмого во главе стола. Старинные механические часы гулко и коротко бьют, приглашая продолжить совещание. Бастиан проходит на своё место, садится и достаёт из папки на столе несколько листков желтоватой бумаги, исписанных мелким, ровным почерком.

– Я позволю себе начать, не дожидаясь месье Фейада, – с лёгкой полуулыбкой обращается к присутствующим Бастиан. – Так как почти ничего нового я не скажу, не думаю, что он пропустит что-то важное.

Последняя фраза вызывает улыбки, Пьер Робер негромко смеётся. Бастиан сохраняет невозмутимое выражение лица и принимается за доклад.

– Итак, вкратце расскажу о ситуации с продуктами питания. Темпы расхода прошлого урожая соответствуют запланированным, население Второго и Третьего кругов получают кукурузную муку, сою, дважды в неделю картофель и сушёные яблоки в виде компотов. В сублимированном бульоне с растворёнными необходимыми микроэлементами и аминокислотами население города недостатка не испытывает. Как и в бурбоне. До следующего урожая остаётся примерно месяц, тех продуктов, что находятся в запасниках, при заданной норме расхода хватит ещё на три месяца. К сожалению, хуже стала ситуация с морепродуктами. Вчера мне доложили о крушении одного из наших рыболовецких судов. Значит, рыбы и водорослей в Азиль будет поступать значительно меньше.

Приоткрывается входная дверь, в зал совещаний протискивается Советник Фейад. Одышливо пыхтит, всем своим видом выражает, что очень спешил. Бормоча извинения, он садится в своё кресло и шумно возится, раскладывая перед собой бумаги. Бастиан выдерживает паузу и обращается к опоздавшему:

– Месье Фейад, вы готовы присоединиться к работе?

– Да-да, конечно, – поспешно отвечает он.

– Что у нас с демографией и состоянием здоровья населения за месяц? Стоит ли добавлять в церковное причастие афродизиаки или контрацептивы?

Советник Фейад откашливается, хватая со стола исписанные листы, пробегаёт взглядом по строчкам.

– Эммм... Уважаемый Совет, демографическая ситуация за март несколько пошатнулась... Изменилась. Немного.

Бастиана раздражает несобранность Фейада, его комканая речь. Но приходится слушать, вылавливая из бессвязного потока слов нужную информацию.

– Значит, так, – бормочет Фейад, шурша бумагами. – Где ж у меня это... А, вот. В четвёртом секторе Третьего круга после эпидемии померло сорок три человека. Родилось вроде как шестнадцать. В первом, седьмом и десятом, кажется, всё стабильно. В двенадцатом и восьмом пожары забрали тринадцать жизней, в девятом секторе померло семь человек, потравившись рыбой. В общей сумме родилось в Третьем круге где-то около ста восьмидесяти младенцев, умерших побольше – двести двадцать девять. Второй круг более благополучен, там родилось пятьдесят восемь карапузов, умерло за месяц двенадцать человек.

– Добавлю как ответственный за безопасность, – поднимает руку Советник Робер. – В результате криминальных разборок потери по Третьему кругу составляют девять человек за март официально и двадцать два неофициально. Тринадцать из двадцати двух остаются неопознанными. Во Втором круге криминальная обстановка спокойная, как обычно. Бунтов не было, народ в целом спокоен, наши информаторы докладывают, что неприятностей нам с вами ждать неоткуда.

По залу проносится одобрительный гул, Советник Фейад торопится сесть и собрать в стопку свои бумажки. Бастиан Каро смотрит на колонки цифр «прибыло-убыло», хмурится. Почему никто не сказал ему об эпидемии в четвёртом секторе Третьего круга? На этих самых людях, которые гибнут десятками от болезней, держится Азиль. И наверняка никто не пытался им помочь. Снабжение лекарствами тоже на Бастиане – так почему никто не удосужился сказать ему, что требуется помощь?

– Месье Фейад, что за эпидемия была в четвёртом секторе? – спрашивает он, чётко проговаривая каждое слово. – Какие меры принимались для ликвидации болезни? Чем лечили людей?

– Ну... Это было что-то бактериальное. Вроде как холера. Наверное. Её лечить-то бесполезно, месье Каро, вы же сами знаете, – оправдываясь, мямлит Фейад.

Бастиан борется с острым желанием разораться и швырнуть в Фейада чем-нибудь потяжелее. Спокойствие даётся ему с трудом.

– Советник Фейад, верно ли я понимаю, что никаких мер для лечения людей не принималось? – задаёт он ещё один вопрос.

– Я лично распорядился собрать всех заболевших в карантин, – еле слышно отвечает Фейад.

– Почему я только сейчас слышу, что сорок три человека погибли без лечения? – Бастиан сам не замечает, как повышает голос почти до крика.

– Месье Каро, – останавливает его Советник Лефевр. – Мы же не в суде. Давайте не будем давить друг на друга, а постараемся предотвратить повторение подобных инцидентов и подумаем, как помочь другим.

Советник Фейад поддакивает, обрадованный появлением неожиданного заступника. Бастиан мысленно считает до тридцати – очень медленно, дожидаясь, когда стихнет гнев, потом поднимает руку, прося слова.

– Да, месье Каро, – одобрительно кивает Лефевр.

Бастиан встаёт, поправляет безупречно подогнанный по фигуре сюртук.

– Уважаемый Совет. Я хотел бы напомнить вам: всё то, что мы имеем, держится на труде низших слоёв общества. И, конечно, на искусстве распределения между людьми того, что нам удаётся добыть и создать. Если некому будет добывать и созидать, вся система рухнет. Я это к тому, что даже о нищете с окраин надо заботиться. Если не контролировать эпидемию, она выкосит весь Азиль. И нас с вами не пощадит. Я очень надеюсь, что вы все меня поняли правильно.

Совет одобрительно гудит, Фейад сутулится, смотрит в стол перед собой. Его отражение в отполированной тёмной поверхности выглядит печально.

– Месье Каро, – окликает Робер. – А что там с крушением судна? Причины произошедшего, варианты решения проблемы?

– Как мне доложил Сириль, которому принадлежало судно, сейнер «Проныра» столкнулся в море с чем-то похожим на гигантскую рыбу. Из всей команды уцелело четверо, их показания совпадают, и у Сириля нет причин не верить этим людям. И если дело обстоит именно так, как нам представили, выход в море представляет опасность и для других судов.

– Ну и запретить все эти морские прогулки, – басит Советник Лефевр. – Официально же у нас никто не занимается мореходством, слишком это опасно для здоровья. Пусть население питается тем, что растёт на нашей земле.

– У меня другое предложение, – возражает Бастиан. – Если водоросли и рыба – неплохое дополнение к скудному рациону наших горожан, то доступ к морю перекрывать нельзя. Надо обезопасить оставшиеся четыре судна. А большая рыба – это много еды. Уважаемый Совет, я предлагаю найти и убить эту тварь. Мы обсуждали это с Советником Робером. У нас есть гарпунная пушка. Дело за метким выстрелом, как я понимаю.

Советник де Ги поднимает руку, покрытую старческими тёмными пятнами. Бастиан умолкает, предоставляя ему слово.

– Вы молоды и горячи, месье Каро. – Речь старшего из Советников звучит монотонно и тягуче. – Идея, которую вы предлагаете, выглядит очень простой. Но задумайтесь: кто из жителей владеет навыками забоя подобных тварей? Кто умеет обращаться с гарпунной пушкой? Привести её в порядок и установить на судно – небольшая проблема. Но что люди будут делать с ней дальше?

Советники молчат, ожидая ответа от Бастиана. По их лицам он понимает, что никто не собирается ничего предлагать. Ответственность за предложение всецело на нём, и лишь ему одному искать выход из ситуации. И от него требуют решения здесь и прямо сейчас.

– Я не боюсь браться за то, чего никогда прежде не делал. Отсутствие опыта – не позор, это поправимо практикой. В городской библиотеке наверняка имеются нужные книги, и я их отыщу. И собственноручно добуду вам эту чёртову рыбину, – твёрдо говорит Бастиан Каро. –

Дайте мне два дня на поиск информации, и уже в пятницу я предоставлю вам перечень того, что мне необходимо.

– Заседание Совета Семи объявляется закрытым, – шелестит де Ги, и его слова тонут в аплодисментах, предназначенных Советнику Каро.

Бастиан возвращается домой пешком. Ему нравится дышать весенним воздухом Азиля, проходя по мосту над Орбом, смотреть на бегущую воду, идти и любоваться цветением садов Ядра. Лепестки вишен начали опадать на прошлой неделе, и их нежно-розовые роскошные облака готовы вот-вот смениться белой кипенью распускающихся яблонь. В палисаднике соседней девушка-садовница поливает ярко-синие ирисы и вежливо кланяется, заметив Советника Каро. Бастиан игнорирует её приветствие, размышляя, что совсем скоро решётку соседской ограды полностью скроют виноградные листья и для того, чтобы полюбоваться цветущими клумбами, придётся заглядывать в гости.

«Велю Веронике развести у нас перед домом какие-нибудь цветы, – думает Бастиан. – Какой толк от роз на заднем дворе, если их не видно от парадного входа? И если жене так нравится возиться с цветами в городском парке, почему бы ей не высадить хоть что-то на газоне?»

Мысли о Веронике вызывают привычное раздражение. За восемь лет брака Бастиан так и не смог к ней привыкнуть. Первые два года девочка-подросток, ходившая за ним по пятам и глядевшая влюблёнными глазами, раздражала настолько, что Бастиан искал сотни поводов вернуться домой попозже и уйти пораньше. Спасала работа: молодой Каро заступил на место погибшего отца Вероники и постигал сложную науку управления Азилем. Спали супруги в разных спальнях: мысль о сексе с женщиной, у которой ещё даже грудь не оформилась, вызывала у двадцатисемилетнего Бастиана тоску. Их полноценная брачная ночь случилась лишь через год после свадьбы, когда молодая семья получила разрешение на ребёнка. «Формальности должны быть соблюдены, – строго приказал Бастиану отец. – Всегда помни, что ты сейчас занимаешь своё место лишь благодаря браку с ней!»

Когда в Саду отец Ланглу передал им новорожденную Амелию, Вероника взяла дочь с выражением лица, которое Бастиан истолковал как разочарование. В тот момент он впервые испытал желание ударить жену. «Забыла своё место? – орал он на неё дома. – Не нравится, что это мой ребёнок и я выбрал её матерью не тебя? Катись к чёрту, это моё право! Знаешь, какие хилые дети рождаются у шестнадцатилетних соплюх? Не смогла родить моего ребёнка – сумей растить и воспитывать!» Вероника плакала, сжавшись в углу, и её плач, искривлённые дрожащие губы и распухшие от слёз веки всё сильнее выводили Бастиана из себя. Как можно не ценить его заботу о её здоровье? Он избавил её от тягот беременности, от родовых мук, от риска умереть, не сумев разродиться, а эта маленькая идиотка посмела косо посмотреть на его, а значит, и свою дочь!

Выговор отлично подействовал на Веронику. Она прекратила таскаться за мужем и смотреть на него обожающими глазами. Всецело посвятила себя дочери. «Хоть что-то у неё получается!» – язвительно отмечала мадам Каро, мать Бастиана. Вероника возилась с крошкой Амелией с утра до позднего вечера, сама купала, сама переодевала, сама готовила на кухне младенческие смеси, учила подростковую дочку читать, считать. Ей помогала только Ганна – нянька, в своё время вырастившая саму Веронику. Она была единственным советчиком и наставником в воспитании малышки, семья Каро лишь контролировала процесс и результатами была удовлетворена.

Бастиан думает о дочери, и губы трогает лёгкая улыбка. Идеальное дитя. Умное не по возрасту, активное, любознательное, интересующееся делами отца едва ли не больше всех в семье. Он часто шутит, что готов создать прецедент, сделав дочь первой в истории Азиля женщиной-Советником. «Мой рыжий талисман», – нежно думает он, вспоминая, как Амелия сидит на краю его стола, когда он работает. Её завораживает процесс появления на бумаге букв и столбиков цифр из-под отцовского карандаша. Пожалуй, дочь – единственное во всём мире

существо, с которым Советник Каро не может быть строгим. Любящим отцом, потакающим малейшим её капризам и способным бесконечно любоваться очарованием своего ребёнка – да, с удовольствием и постоянно. Но никогда – строгим и суровым.

«В субботу свожу её в Ось. Покажу, где работаю. Пусть посмотрит на Азиль с высоты, на которую поднимались лишь единицы». – Бастиан кивает своим мыслям и прибавляет шаг. Не терпится вернуться домой и поцеловать рыжую макушку, пахнущую мужским парфюмом. Он прекрасно знает, где дочь стащила этот флакон и для чего. Она же папина девочка.

На углу улицы, у последнего поворота к резиденции Каро, Бастиан ненадолго останавливается и любуется высокой старой глицинией. Нежно-сиреневые лепестки цветущего дерева падают в подставленную ладонь, ложатся на лацкан тёмного сюртука. «Не верю, что такой красоты не осталось больше нигде в мире, – думает Бастиан. – Если Бог, которым отец Ланглу забивает головы прихожан, существует, он не позволит этому дереву остаться одному. Иначе зачем оно цветёт каждую весну?»

Ещё не переступив порог дома, Бастиан чувствует неладное. Издалека он видит брошенный на газоне электромобиль младшего брата, покореженный фонарный столб – и радостное ожидание встречи с дочерью сходит на нет. А когда Советник Каро видит хмурюю Амелию, сидящую на ступеньках крыльца, мрачное предчувствие овладевает им полностью.

– Здравствуй, конопушка, – обращается он к дочери. – Что стряслось?

Амелия закрывает собой входную дверь, растопырив руки и расставив босые ноги, набирает полную грудь воздуха и выпаливает:

– Пап, обещай, что не убьёшь дядю Ники до смерти, иначе туда нельзя!

– Он пьян и что-то разбил в доме? – интересуется Бастиан, подхватывая девочку на руки.

Дочь сурово сопит, строго хмурит реденькие светлые брови.

– Обещай, или мне придётся тебя пнуть!

Бастиан одной рукой открывает дверь, пытается войти в дом, но Амелия хватается за дверной косяк и не пускает его.

– Пап! Это важно! – гневно кричит она.

– Хорошо. Давай договоримся. – Он ставит дочь на ковровую дорожку у двери, присаживается на корточки. – Ты вводишь меня в курс дела, а я решаю, как мне поступить. Договорились, *bien-aimé*?²

Амелия вздыхает, нехотя кивает.

– Пап, дядя Ники сделал что-то настолько плохое, что бабушка визжит уже о-о-очень давно, а дедушка собирается его убить своими руками. Если я за него не заступлюсь, мне не с кем будет играть дома. Ганна медленно бежит и боится играть в прятки в музейных комнатах, а Клотильда и Люсиль глупые, с ними неинтересно.

Бастиан выдавливает улыбку, целует влажную ладошку дочери.

– Обещаю сначала всё выяснить, а потом поступить так, как должен поступить твой папа. Где сейчас все?

Розовый пальчик с обгрызленным ногтем указывает в сторону гостиной.

– Дядя Ники сидит там и молчит на дедушку. Бабушка... ну ты слышишь.

Причитания Ивонн Каро разносятся по всему дому. Бастиан морщится. Материнские истерики он предпочитает пережить вне дома, но, похоже, сегодня не тот случай. Он разрешает Амелии покрутить глобус в своём кабинете, а сам решительно направляется в гостиную. Ковры на полу делают поступь Бастиана почти беззвучной, но как только он появляется в дверях, мадам Каро кричит, не оборачиваясь:

– Немедленно разуйся!

² *Bien-aimé* (фр.) – любимая.

– Здравствуй, мама, – сдержанно произносит Бастиан, стряхивает с ног ботинки и переступает порог. – Отец, Доминик, доброго дня. Что тут происходит?

Фабьен Каро отходит от окна, обменивается со старшим сыном крепким рукопожатием и кивает в сторону пунцовой от гнева жены, меряющей шагами комнату:

– Ты как раз прервал матушку на самом интересном месте. Твой брат вернулся от трупобных девок едва живой и в побитой машине. Изгадил колёсами газон, наследил на коврах, и мать пытается объяснить ему, что он был категорически неправ.

Младший брат, одетый в свой лучший костюм, приветственно машет Бастиану с дивана. Ники чисто выбрит, причёсан и бледен как смерть. Бастиан шуруется, рассматривая синяки под глазами брата, и спрашивает:

– Что на этот раз, Доминик? Наркотики, дешёвое пойло? К чему такой официальный вид?

– Здравствуй, Бастиан. Я как раз дожидался тебя, чтобы рассказать. Позови Веронику, я хочу, чтобы вся семья была в сборе.

– Вот уж Вероника тут точно лишняя, – возражает старший брат, но что-то во взгляде Доминика заставляет его замолчать.

– Приведи свою жену, – чеканя каждое слово, требует Ники. Улыбается и добавляет: – Пожалуйста.

Бастиан бросает на него уничтожающий взгляд и исчезает в недрах дома. Несколько минут спустя он возвращается в обществе супруги. Вероника привычно сутулится, смотрит в пол и то и дело заправляет за ухо прядь светло-пшеничных волос. Платье на молодой мадам Каро настолько пышное и бесформенное, что с первого взгляда невозможно судить, худа его хозяйка или склонна к полноте. Вероника едва слышно здоровается и присаживается на стул у двери.

– Теперь, когда все в сборе, ты скажешь наконец, что у тебя за новость? – обращается к Доминику отец.

Младший Каро кивает, встаёт с дивана и выходит на середину гостиной. Бастиан невольно вспоминает, как в детстве их с братом заставляли декламировать гостям стихи – точно так же, из центра комнаты. И лицо у Ники сейчас такое же, как в детстве, – сосредоточенное, предельно серьёзное.

– Ты, верно, хочешь извиниться? – с нажимом спрашивает мать.

– Ну разве что перед горничной, которой пришлось чистить ковёр, – слабо улыбается Доминик и тут же снова становится серьёзным. – Нет. Я хочу сообщить вам, что в ближайшее время женюсь.

– Всего-то? – смеётся Фабьен Каро. – Ты обставил эту новость так, будто речь не о браке, а о деле государственной важности!

Мадам Каро снисходительно улыбается.

– Хорошая новость, сын. Может, жена приберёт тебя к рукам, и твои глупые выходки с поездками на окраину прекратятся.

Бастиан молчит, внимательно наблюдая за братом. Что-то в глазах Доминика заставляет его испытывать дурное предчувствие. Какой-то нехороший огонёк.

– Отлично. Родители не против, молчание Бастиана – знак согласия, умничка Вероника никогда не обсуждает мои действия, – продолжает Ники. – Я рассчитываю увидеть искреннюю радость на ваших лицах во время свадебной церемонии.

В гостиную рыжим вихрем влетает Амелия, принимается скакать вокруг Доминика.

– Ура! Свадьба! – ликует она.

– Как зовут твою избранницу? – заметно смягчившись, спрашивает Ивонн.

Ники подхватывает Амелию под мышки, подбрасывает в воздух, ловит и сажает на диван. Тепло улыбается матери и отвечает:

– Её зовут Кейко, мама.

Месье Каро морщит лоб, вспоминая:

– Какое экзотическое имя. Это не младшая дочь месье Тиреля?

– Нет, это не младшая дочь Тиреля. Это младшая дочь Макото Дарэ Ка, он из семьи японских разработчиков системы водоснабжения Азилия. – В голосе Доминика звучит настоящая гордость. – Она лучше всех девиц Ядра, вместе взятых.

– А ещё у неё глазки вот так. – Довольная Амелия слегка приподнимает пальчиками внешние уголки глаз. – Дядя Ники рисовал её в альбоме, я видела!

Воцаряется молчание. Мать и отец поражённо смотрят то друг на друга, то на младшего сына. Бастиан гонит прочь внезапную догадку, но вопрос всё равно срывается с языка:

– Ты решил опозорить семью браком с косоглазой девкой с окраины?

Ники подходит к нему, смотрит прямо в глаза.

– Если ты позволяешь себе оскорблять свою жену, то я не позволю тебе – и никому вообще в этом доме! – дурно отзываться о моей невесте, – чеканит Доминик, сдерживая звенящую в голосе ярость. – Я изучил закон: нигде не сказано, что я не могу жениться на той, которую сам выбрал. Нигде не сказано, что живущие в Третьем Круге не могут стать полноправными жителями Ядра путём заключения брака.

– Ты не посмеешь! – выдыхает Бастиан.

– Сынок, – дрожащим голосом окликает Ивонн. – Выбирай любую девушку Ядра, не равняй себя с грязью...

– С грязью? Да вы зажрались, маменька! – театрально разводит руками младший сын. – Это такие же граждане Азилия, как и мы. Только по недоразумению мы не видим в них людей. Хотя пользуемся их трудом и... – Он склоняется к уху Бастиана и вкрадчиво вопрошает: – Мы же оба знаем, куда делась настоящая мать Амелии после извлечения плода из её чрева, верно?

Бастиан молча бьёт брата в лицо. Ники отшатывается, прижимает рукав к разбитым в кровь губам. Обводит взглядом ошарашенных родных, подмигивает сжавшейся от испуга Веронике.

– Туше, дорогие. Примите как факт, – усмехается он и покидает гостиную твёрдым шагом.

IV

Бабочки и ураган

Ровно в шесть вечера Акеми сметает мягкой кистью пыль с букетов пластиковых цветов, гасит электрические свечи в траурном зале и спешит в каморку, где переодевается персонал. Стаскивает через голову помпезное чёрно-белое платье с рюшами, бережно вешает в шкаф, натягивает старый штопаный комбинезон неопределённого цвета, подхватывает штормовку и спешит к выходу. И в дверях едва не налетает на Сорси – хитроглазую деваху с выбритыми, покрытыми татуировками висками и рыжими волосами, скатанными в дреды.

– Гомен³, – выдыхает Акеми короткое извинение.

Сорси пожимает плечами и затягивается синтетической сигаретой. Акеми со всех ног несётся к остановке гиробуса. Его красная бочкообразная туша как раз вырывается из-за поворота. Гиробус подкатывается к остановке, двери с шипением открываются, выпуская людей, а потом впускают внутрь ожидающих посадки.

– Подождите! – кричит Акеми, машет руками.

Водитель – старый знакомый отца Акеми – узнаёт её издали, и гиробус трогается с места, лишь когда девушка оказывается в салоне.

– Добрый вечер, Акеми. Что вдруг мимо дома? – интересуется водитель.

– Надо в порт, – коротко отвечает она и проходит к задней двери. Общаться ни с кем не хочется.

Акеми смотрит сквозь пыльное стекло на обшарпанные стены жилых домов, на длинный забор целлюлозной фабрики. Накатывают воспоминания рабочего дня: маленькая девочка со страшно раздутым животом и умиротворённым синюшным личиком, плачущая над её телом молодая женщина, Сорси, тщетно успокаивающая горюющих родственников ребёнка. Отвратительный искусственный запах лилий, через который пробивается ещё более мерзкая и тяжёлая вонь мёртвого тела. «Старайся не дышать рядом с трупами, – наставляла Сорси новенькую. – Ты ж не знаешь, кто от чего умер. Дети мрут только от заразы. Руки мой чаще, помогаешь обрядить – надевай маску».

К горлу подкатывает тошнота и горечь, Акеми встряхивает головой, морщится. Считает мысленно, стараясь перебить неприятные воспоминания. Двадцать, сорок семь, сто тридцать девять...

Она никогда не думала, что умирает так много детей. Каждый день – один-два. Редко когда привозят только взрослых. Мёртвых детей куда больше, чем стариков. И они куда страшнее – маленькие восковые люди, будто ненастоящие. Касаться их невыносимо. Всё время кажется, что сейчас закрытые глаза распахнутся и в лицо тебе взглянет что-то жуткое, нечеловеческое.

Четыреста двенадцать, считает Акеми. Пятьсот семь...

Ей казалось, она не боится ни мёртвых, ни смерти. Когда умерла мама, Акеми было девять лет. Мама ушла тихо и быстро, и Акеми и Кейко долгое время верили, что она уснула. Отец в то утро сказал, что она очень устала и ей нужен отдых. Закутал маму в расшитое цветами сакуры покрывало и унёс. А когда вернулся, сказал дочерям, что мама обязательно вернётся. Просто нескоро. И добавил: «Ей бы хотелось, чтобы вы вели себя достойно».

Люди не умирают, они просто куда-то уходят. Кажется, Кейко верит в это до сих пор. Счастливая глупая Кейко. Акеми тоже верила. Теперь ей приходится раз за разом в этом разубеждаться самым худшим образом – обмывая тела, укладывая их в металлический ящик с

³ Гомен (gomen) – «извини» по-японски.

двойным дном и отправляя за дверцы топки крематория. По должности ей полагается утешать родственников и быть с ними ласковой и доброй, но она молчит всю церемонию. Попытки говорить пробуждают приступы тошноты. Пусть говорит Сорси. Акеми молча поправляет нелепые целлюлозно-бумажные цветы, стараясь не касаться лишней раз холодных тел.

«Я больше не могу», – шепчет Акеми, закрывая глаза.

Найти Дюваля. Броситься в ноги, переломив собственную гордость. Просить, умолять пристроить её на любой корабль. Нет корабля – Акеми согласна паковать бесконечные бурые ленты водорослей по пластиковым бочкам. Она готова мыть посуду в столовых или полы в общественных зданиях. Только бы не возвращаться туда, где удушливо пахнет лилиями – до тошноты, до потемнения в глазах.

Гиробус проезжает по мосту через Орб. Как обычно, перила облеплены детворой. Кто дальше плюнет, кто что-то увидит в лениво текущей воде и чей камешек издаст самый громкий плюх. Акеми вспоминает, как летними вечерами они приходили сюда всей семьёй. Мама бережно опускает в воду двухлетнюю Кейко, а малышка верещит, хохочет, летят в стороны холодные брызги.

«Папа, подбрось меня, я нырну! Пожалуйста, папа! Мама, смотри, как я умею!»

После того как мама ушла, отец больше не водил их к Орбу. Ни разу. Акеми тайком бегала сюда одна. Ей хотелось научиться плавать лучше всех. И она научилась. Мальчишки завидовали и пару раз пытались поколотить. Обидно, когда какая-то косоглазая на спор догоняет в плыв лодку отца Ланглу, оставив остальных участников спора безнадежно позади.

– Я плаваю лучше всех, – говорит себе Акеми, выходя из гиробуса и шагая в сторону порта. – Я знаю, где больше рыбы. Я сотни раз выходила в море. Меня не могут не взять на борт.

«Я не вернусь туда, где мёртвые дети пахнут мёртвыми цветами», – повторяет она мысленно. Она в этом уверена.

В порту, когда-то растянутом на километры вдоль берега, а теперь состоящем из четырёх ангаров, ремонтного дока и пары продуваемых всеми ветрами двухэтажных зданий, пустынно. Стоят на приколе три баркаса, покачиваются на волнах плоскодонки. Акеми решительно направляется в здание, где днём можно найти хозяев порта.

Она долго стучит в запертую дверь, напрасно дёргает позеленевшую от времени и сырости ручку. Все давно разошлись по домам. Девушка спускается с крыльца, внимательно смотрит на стоящие у причала суда и, заметив движение на борту одного из баркасов, со всех ног мчится туда.

– Месье, добрый вечер! – кричит она молодому мужчине с аккуратной кудрявой бородкой. – Могу ли я поговорить с капитаном?

Тот вешает на крюк свёрнутый канат и оценивающе смотрит на Акеми.

– Что надо-то?

– Хочу наняться в команду.

Бородач опирается руками на кормовой релинг, с усмешкой рассматривает девушку.

– У меня есть опыт, – твёрдо говорит Акеми. – Я ходила на «Проныре».

– И где теперь твой «Проныра»? Топай отсюда. Дырка на корабле – плохая примета.

– Месье, прошу вас...

– Проваливай! – резко обрывает он и уходит, давая понять, что разговор окончен.

Акеми чувствует себя оплётанной. На то, чтобы злиться, сил уже не осталось, и она медленно бредёт по пирсу прочь. Спускается к самой воде, подбирает в полосе прибоя редкие кусочки водорослевых лент. Есть хочется так, что внутренности сводит. Акеми пробует пожевать буро-зелёный лист, находит его мерзким, но другой еды на сегодня не предвидится. Она сглатывает горьковатую массу, суёт в рот ещё один обрывок. Жуёт яростно, песчинки скрипят на зубах. Глотай, Акеми, если не хочешь разреветься, как малолетняя соплячка. Или ты не хозяйка своим эмоциям?

В плечо ударяется камешек. Маленький, не больно. Акеми вздрагивает, оборачивается, испуганно шарит взглядом вокруг. В серых сумерках от опоры Купола отделяется щуплая фигура, приветственно машет девушке рукой.

– Боннэ? – удивлённо окликает Акеми. – Ты зачем здесь?

– З-затем! – радостно улыбается Жиль и вприпрыжку спешит навстречу. – З-за т-тобой следил, вот так вот!

Девушка теряется, пытаясь понять, шутит он или всерьёз, и поспешно запихивает комок водорослей в карман штанов. Бывший юнга останавливается в метре от Акеми, рассматривает её, склонив голову набок. Улыбка на его лице гаснет.

– Т-ты... Чего с-случилось?

– У меня – ничего, – как можно безразличнее отвечает Акеми. – Гуляю после работы. Тебя сюда как занесло?

Жиль мнётся. Пожимает острыми плечами, пинает камушки носком ботинка.

– Я ночую т-тут, п-под лодкой, в-вот так вот, – признаётся он наконец. – Ну, и увидел т-тебя. И х-хотел п-поздороваться.

Девушка оглядывается, смотрит туда, куда указал мальчишка.

– Под той лодкой? Ты что – так и не вернулся домой?

Он молча кивает. Даже в сумерках видно, как краснеет правая сторона лица. Акеми становится неуютно. Собственные проблемы начинают казаться мелочами жизни.

– Тут же сыро, бака! И действие Купола слабое! – сердито восклицает она. – В городе места мало? Боннэ, ты...

– Бака, з-знаю. Тут м-мокро, но лёд не растёт. – Жиль вздыхает. – Метни б-ботинок, если т-тебе от этого б-будет легче.

Он отступает на несколько шагов в сторону и покорно поднимает руки. Акеми смотрит на мальчишку, и от его виноватого взгляда что-то внутри неё плавится. Секунда на раздумья – и она протягивает ему ладонь:

– Идём. Я устала и хочу домой. А ты поживёшь пока у нас.

Просияв, Жиль срывается с места и несётся к своей перевернутой лодке.

– Я сейчас! – кричит он радостно.

И возвращается в обнимку с большим бумажным кульком. Из него одуряюще вкусно пахнет кукурузными лепёшками.

– Б-бери, Акеми. Т-ты же голодная...

Девушка заглядывает в пакет – и не может сдержать удивлённого возгласа:

– Как много! Жиль, откуда столько?

– Спёр, – коротко отвечает бывший юнга.

– Я не возьму, – хмурится Акеми и направляется прочь от пирса.

Жиль догоняет её, суёт в руку лепёшку.

– Ешь. Я п-помню, что ты не б-берёшь чужое. Я честно сп-пёр. В уплату за работу, в-вот так вот. Это п-после обеда осталось. Т-ты не п-поверишь, куда бы это всё д-дели...

– Куда? – машинально спрашивает Акеми, не оборачиваясь.

Жиль почти бежит за ней, придерживая кулёк у груди. Акеми борется с желанием впитаться в лепёшку зубами, но не может себе позволить этого при юном воришке. Пусть поймёт, что она возмущена его поступком.

– У н-начальника столовой с-свинья. Д-две. И в-всё, что остаётся со стола, идёт им. В-вот так вот. Я и з-забрал – чтобы д-досталось тем, к-кто заслужил.

После недолгих размышлений, кто более достоин кукурузных лепёшек – свинья или голодная молодая женщина, Акеми решительно суёт кусок лепёшки в рот.

– Остальное – в семью, – строго говорит она. – Как плату за кров. И поторапливайся, не то придётся пешком через весь город идти. Гиробус ждать не будет.

Акеми Дарэ Ка стоит у приоткрытого окна и смотрит с высоты двенадцатого этажа. Вечерний Азиль кажется тёмным и тихим, но Акеми точно знает, что в это время на пыльных улицах Третьего круга ещё кипит жизнь. Возвращаются со второй смены работники целлюлозной фабрики и завода пластмасс, из прачечных и швейных мастерских, целыми семьями расходятся по домам посетители вечерней проповеди Собора. Она смотрит в темноту за окном, пытаясь понять, почему ей так беспокойно.

– Акеми, – окликает её отец.

Девушка вздрагивает, извиняется и ставит на низкий столик жестяной поднос с тремя маленькими чашками, похожими на половинки ярких шаров. Ярко-жёлтую больше всех любила мама. Теперь эта чашка негласно принадлежит Акеми. Отцовская чашка синяя, как небо над морем после бури. Алую чашку любит Кейко. Когда она пьёт, ладони обхватывают чашку так, будто сестрёнка греет об неё руки. Сейчас Акеми ставит красную чашку перед Жилем. Он гость, а Кейко всё равно нет дома. Где-то ходит со своим драгоценным Ники-куном.

Отец благодарит Акеми, опускается на колени пред столиком, жестом приглашает дочь и Жилья присесть. Жиль долго пытается усесться так, как это делает хозяин дома, но ему непривычно, и мальчишка сопит и ёрзает.

– Жиль, ты можешь сесть так, как удобно, – улыбается Макото. – Акеми, принеси гостю подушку, пожалуйста.

– Н-не, спасибо! Я как п-привык, можно? – смущается мальчишка.

И устраивается по-турецки – острые коленки выглядывают из прорех штанов. Потом заглядывает в чашку – и удивлённо восклицает:

– Ух ты! Чай!

– Пробовал такое, да? – В голосе Макото слышится удивление.

– Ага! Д-давно уже, но п-помню... Откуда у в-вас такая роскошь?

– Это подарок моей младшей дочери. А самой Кейко это принёс её молодой человек.

Макото произносит это спокойным повествовающим тоном, но Акеми прекрасно знает, что отец не одобряет отношений Кейко и Ники. «Вы не ровня, – качая седой головой, говорит он младшей дочери всякий раз, как та заводит речь о парне. – Пойми и прими, пока не нажила проблем». Кейко всякий раз покорно кивает, но этими кивками всё и ограничивается. Акеми всецело согласна с отцом, но на её попытки поговорить с неразумной младшей сестрой неизменно следует жёсткий ответ: «Не лезь и не завидуй».

«Зато у нас есть чай», – утешает себя Акеми и отпивает из чашки.

Макото пьёт маленькими глотками, наслаждаясь вкусом малодоступного в Азиле напитка, прикрывает глаза от удовольствия. Жиль свою чашку уже опустошил и теперь вовсю набивает рот кукурузной лепёшкой.

– Подавишься, – ворчит Акеми, глядя на его округлившиеся щёки.

Жиль в ответ что-то мычит, изображая всем своим видом, как ему хорошо и что он готов съесть раз в сто больше. Взгляд Макото теплеет, губы трогает улыбка. Акеми думает, что улыбающийся отец выглядит лет на десять моложе. После смерти мамы радость на его лице стала большой редкостью. Привычный семье и соседям Макото Дарэ Ка немногословен, спокоен и лицом скорее напоминает статую, а не человека.

– Ты вытянулся, но не вырос, – говорит он Жилю.

Мальчишка вспоминает, что полтора года назад, при своей первой встрече с Макото, он неприлично ревел из-за того, что ему не хотят доверять серьёзную работу. И краснеет: на правой щеке проступает густой румянец, левая же, покрытая сеткой шрамов, остаётся привычно-бледной.

– Расскажи, как тебе работается, – меняет тему Акеми.

– Н-на сейнере было лучше. Хотя б-бы кормили досыта. Н-на фабрике т-только и делают, что гоняют. П-принеси это, отнеси т-то... З-зато со мной работает муж-жик, который от-тбы-

вал два года в п-подземке. Ст-только рассказывает интересного! – Мальчишка оживляется, подаётся вперёд, к Макото, сверкая глазами. – Вы знали, что п-под землёй есть сады? И еду там растят для элит-тариив. Он г-говорил, что там от электричества светлее, чем д-днём. И что он св-воими глазами видел запасы. И их там горы! Он рассказывал п-про кур. Ряды к-клеток длиной в высокий дом!

Акеми смотрит на его восторженное лицо – и её накрывает непреодолимое желание остудить мальчишкин пыл. Она отставляет в сторону пустую чашку и негромко говорит, глядя на свои сложенные на коленях ладони:

– Он всё это выдумал. Заключённых заставляют делать самую чёрную работу в городских отстойниках. Перебирать и перерабатывать мусор и наши отходы. Не мог он видеть что-то иное. В бульон, которым нас всех кормят в столовых, идут трупы. А из костей мертвяков делают костную муку и клей. – Она поднимает глаза и смотрит в лицо ошарашенного мальчишки. – Нет никаких садов. Есть только громадный цех, в котором из мёртвых готовят еду для живых.

– Акеми... – начинает было Макото, но девушка перебивает его.

– Это правда, отец! Зачем в ящике, в который укладывают тела для кремации, открывается дно? Почему мы потом никогда не находим в них ничего, даже праха? И какой смысл Сорси врать, что из топки трупы падают именно в цех, а уже потом над пустым ящиком разжигают огонь?

Макото выпивает чай одним большим глотком и приказывает дочери:

– Выйди.

Акеми и сама рада уйти. Прорываются наружу слёзы, что копились давно и не находили выхода. Закрыв лицо руками, она выбегает из квартиры, усаживается на лестничные ступеньки и беззвучно плачет.

Оставшись один на один с перепуганным Жилем, Макото Дарэ Ка подходит к мальчишке, похлопывает его по плечу и мягко говорит:

– Прости её, дружок. Ей тяжело там, где она сейчас работает. У вас свои легенды, у них свои. Относись к этому так, как подсказывает тебе разум. Он, знаешь ли, умеет защищаться не хуже тела.

– Я не верю! – выдыхает Жиль; плечи его мелко дрожат.

– Не верь. Правды и лжи на свете много, и в чистом виде они редко встречаются. Лучше пойдём, я покажу тебе, где разместиться.

Жиль следует за хозяином квартиры в маленькую комнату. Здесь почти пусто: лежат на полу два матраса с подушками и лёгкими одеялами, в углу у окна – тумбочка, накрытая чёрной тканью. Там на незамысловатой подставке покоится что-то похожее на украшенный серебристым рисунком чёрный полуметровый тубус, оканчивающийся оплетённой рукоятью. Жиль проходит в комнатушку, приближается к тумбе, оборачивается – и на его лице, только что испуганном и растерянном, восторг.

– Месье Дарэ Ка, это же... это же м-меч?

Макото коротко кивает. Мальчик складывает ладони перед грудью и отвешивает глубокий поклон мечу. И снова поворачивается к хозяину:

– Разрешите мне взглянуть? Пожалуйста. Я умею.

Получив одобрение, Жиль достаёт из кармана штанов мятый лоскут ткани, бережно берёт им меч, долго рассматривает ножны.

– Месье Дарэ Ка, я не умею в-восхищаться как н-надо, но какая к-красивая работа! Я могу посмотреть дальше?

Изумлённый, что уличный мальчишка знает этикет японского меча, Макото медлит с ответом. Жиль смотрит то на него, то на меч, глаза его восхищённо сияют. Будто встретил старого друга.

– Да, можно, – говорит наконец Макото.

Жиль перекладывает ножны в левую руку, всё так же на тряпицу, убирает правую руку в рукав и через ткань берётся за рукоять короткого меча. Медленно, жадно рассматривая каждый сантиметр клинка, вынимает оружие из ножен. Макото напряжённо следит за мальчишкой. Поразительно: тот держит клинок на таком расстоянии, чтобы не замутнить лезвия дыханием.

– Месье Дарэ Ка, сколько же лет этому в-вакидзаси?⁴

– Он старше Азиля. На несколько столетий. Этот меч – достояние моего рода.

– Как клинок сияет! Мне к-кажется, он дороже всех сокровищ... и даже немного живой.

Пока мальчишка восторженно любуется мечом, в комнату заглядывает хмурая Акеми.

– Ото-сан⁵, к нам гость, – сухо сообщает она и уходит.

Макото коротко извиняется и спешит за ней. Жиль бережно убирает меч в ножны – держа их вертикально, меч в правой руке, ножны в левой, как и предписано этикетом. Вернув вакидзаси на подставку, мальчик снова кланяется, с улыбкой шепчет: «Спасибо» и напряжённо прислушивается к голосам, слышимым с лестничной клетки.

Гость напряжённо мнётся на пороге, стараясь не выдавать волнения. Кейко – счастливая, сияющая, уже хлопочет на кухне. Чёрные волосы, забранные в два детских хвостика, бьются по плечам, руки порхают над стареньким чайником. Акеми сидит на кухонном подоконнике, молча смотрит на сестру.

Макото протягивает руку.

– Здравствуйте. Месье Каро, верно?

Ники отвечает на пожатие, и ладонь у него влажная, холодная. Парень нервничает. Чего-то боится.

– Здравствуйте, месье Дарэ Ка. Да, я Доминик.

– Проходите, месье Каро. У нас тесновато, но...

– Не беда, – улыбается Ники. – Я всё понимаю.

«Как же, – с неожиданной злостью думает Акеми. – Понимает он. Чистюля пришёл поглазеть, как плебеи живут».

Она рассматривает парня с разделяющего их расстояния, и он всё больше ей не нравится. Ровесник Акеми, он слишком хорош собой, слишком чистый, слишком хорошо одет. Его вежливость, его неуверенность кажутся девушке фальшивыми. Белозубая улыбка раздражает. Когда Доминик проходит в кухню, Акеми хочется забраться на подоконник с ногами. Чужой запах – свежий, дерзкий – указывает на высокий статус гостя и подчёркивает убогость и тесноту их жилища. Враждебность – всё, что чувствует сейчас Акеми.

– Это для вашей семьи.

Ники передаёт хозяину дома перевязанную шпагатом коробку. Макото благодарит, ставит её на столик, внимательно смотрит на парня и задаёт главный вопрос:

– Месье Каро, что же привело вас сюда?

Ники бледнеет, проступают под глазами тёмные тени. «Волнуешься, – ехидно думает Акеми. – Ну, помучайся, подёргайся». Кейко наигранно увлечена мытьём чайных чашек, слишком рьяно натирает их мыльной тряпицей, слишком сильно плещется в тазу вода. Тоже нервничает, понимает старшая сестра. Знает, зачем её красавчик в гости напросился.

– Месье Дарэ Ка, – решается Доминик. – Я к вам по делу... Чёрт, сказать труднее, чем я думал. Простите мне моё волнение. Я приехал просить разрешения жениться на Кейко.

Тряпица шлёпается в таз с мыльной водой. Кейко замирает, прижав к груди чашку – мамину, жёлтую. Акеми с трудом сдерживается от желания разорваться и прямо сейчас выставить Каро вон. Нельзя. Должен сказать отец. А тот молчит, медля.

⁴ *Вакидзаси* – разновидность японского меча, длиной 30–60 см. Часто использовался в паре с катаной.

⁵ *Ото-сан* – обращение к отцу по-японски.

Доминик стоит у обшарпанной стены – прямой, как арматурный прут, бледный и с такими же перепуганными глазами, как и у Кейко. «На что ты рассчитываешь? – кричит Акеми мысленно. – Неужели ты думаешь, что если по происхождению имеешь всё, то и её получишь?»

– Доминик, – мягко начинает отец. – Я не могу ответить ни так, как хочу сам, ни так, как ожидаете вы. Я знаю, что скажет моя младшая дочь. И хотел бы, чтобы вы хорошо подумали. Потому что, сделав предложение, вы подумали очень мало.

– Я думал месяц, – севшим голосом отвечает Доминик. – Я уверен в своём намерении.

– Кейко, Акеми, я прошу нас оставить, – обращается Макото к дочерям, и те немедленно выходят в соседнюю комнату.

Макото прикрывает дверь в тесную кухню, становится напротив Доминика:

– Я не знаю, какой вы человек, Доминик Каро. Но нам вы чужой. Зачем вам моя дочь? Наверняка в Ядре множество девушек, красивых и равных вам.

– Много. Но я люблю Кейко. И уверен в этом.

– Этого мало. Как вы представляете вашу совместную жизнь?

Доминик облизывает пересохшие губы.

– Я продумал, месье Дарэ Ка. Я договорился с мастером, он перебьёт Кей Код доступа. Жить мы будем в доме жены моего брата. Кейко ни в чём не будет нуждаться. Я хочу, чтобы она была счастлива.

Лицо Макото грустнеет, он сокрушённо качает седой головой.

– Если вы действительно хотите ей счастья, не делайте этого. Оставьте её здесь, приезжайте к ней – но забудьте о женитьбе. Я не могу запретить, но я отец, я вправе просить об этом.

– Вы просите меня бросить Кейко здесь? Позволить ей дышать отравой, работать по двенадцать часов в сутки и тихо чахнуть, недоедая? – Парень смотрит Макото в лицо, голос его крепнет, расплывается. – Вы, отец, просите меня лишить вашу дочь шанса на лучшую жизнь? Вы просите меня бросить моего любимого человека?

Дверь кухни распаивается, влетает злая как чёрт Акеми.

– Прошу прощения, ото-сан, но я не могу молчать. Потом буду готова понести наказание.

Она толкает Доминика в грудь, припечатывая к стене.

– Так, чистюля, буду говорить на понятном тебе языке. Выметайся отсюда и не смей приближаться к моей сестре. И ни слова о любви – ты понятия не имеешь, что это такое. У вас её нет и быть не может. Те, кто рождён вне материнской утробы, любви не знают и не узнают никогда. Возвращайся к себе и забудь сюда дорогу.

Акеми ловко заворачивает Доминику левую руку за спину и ведёт к выходу из квартиры. В соседней комнате Кейко что-то кричит и колотит кулаками по запертой двери. Акеми спускается вместе с парнем к выходу из подъезда и выкидывает Доминика на улицу.

– Если она тебе действительно дорога, ты не пожалуешься полициям. Ты же не хочешь проблем семье своей девушки, Ники-кун? – язвительно цедит Акеми. И добавляет: – Рукав почисть. Весь в грязи.

Доминик оборачивается, смотрит на неё с усмешкой.

– Дура, – говорит он беззлобно и холодно. – Мы с Кей уже всё сами решили. Ваше мнение ничего не значит. Я всего лишь нанёс визит вежливости, так велят приличия. Спасибо за тёплый приём. И ещё: я-то как раз рождён матерью. По недосмотру. Так уж получилось, маде-му-азель.

Не оборачиваясь, он уходит прочь по тёмной улице. Акеми с наслаждением плюёт ему вслед и с грохотом захлопывает дверь подъезда. Поднимаясь по лестнице в квартирку под самой крышей, Акеми думает, что скажет сестре. И никак не может подобрать слов.

Доминик бредёт вдоль Седьмой линии одиннадцатого сектора к выходу из Третьего круга. Чем дальше он от дома Кейко, тем более упорядоченными становятся его мысли и спокойнее сердце.

«Это не поражение, – думает он. – Самое главное – Кей сказала „да“ и приняла мой подарок к свадьбе. С мастером договорено, адрес Кей знает. Я заберу её из этой дыры, как только отец Ланглу нас повенчает. Осталось договориться с ним. Он не откажет, он нормальный человек. Мы будем вместе, переберёмся в дом Бойера. Детей заведём. Граждане Ядра имеют право на детей в порядке очерёдности. Мы встанем в очередь сразу же, как поженимся. На следующий же день. Мы имеем право быть счастливыми, как и все любящие люди Азиля. Даже в умирающем мире можно найти счастье».

За поворотом на Шестую линию Ники видит, что у стены дома в свете газовых фонарей блестят синие кристаллы и кричит, насколько хватает голоса:

– Лёд! Люди, лёд! Сюда!

В окнах окрестных домов вспыхивает свет, на первых этажах распахиваются окна. Ники спешит к одному из них, какая-то женщина протягивает ему таз с водой, он хватается за него, бежит к кристаллам, выливает воду на них. К Доминику уже спешит народ, каждый тащит с собой наполненные ёмкости – от бидонов до ночных горшков. Лёд заливают, остатки кристаллов затаптывают, уничтожая малейшие их следы. Кто-то благодарит Ники, хлопает по плечу. Молодая женщина спрашивает, не заблудился ли месье. Нет, отвечает Ники, я хорошо знаю ваш сектор, всё в порядке, – и следует дальше. У ворот пропускного пункта он машет рукой уже знакомому охраннику, забирает со стоянки электромобиль, проверяет уровень заряда и выезжает из Третьего круга.

Дорога его идёт через старинный мост над петляющим Орбом и заканчивается через несколько минут возле тёмной громады Собора. Ники оставляет машину, медленно поднимается по ступеням широкой лестницы, ведущей к дверям храма, и прислушивается, замерев. Ему мерещится тихое пение, доносящееся откуда-то сверху, хотя он точно знает, что в это время служба уже закончена. За разноцветными витражами храма мерцают тёплыми огоньками свечи, окутывая Доминика ощущением мира и покоя. Ники бросает взгляд на прадедовы часы и ощущает укол совести: почти полночь, а он обещал Веронике забрать её в десять. С Кейко он совсем забывает о времени.

– Всё равно дома ей хуже, чем здесь, – оправдываясь, говорит он сам себе и нажимает неприметную кнопку звонка слева от двери главного входа.

– Неправ тот, кто говорит, что мы первые сильно прогневили Всевышнего. Бог и прежде гневался на этот маленький мир, уничтожал своё творение и начинал всё заново. Только история помнит случай, когда Богу явилось чудо и удержало мир от крушения.

Молодая женщина в бесформенном пышном платье с капюшоном бесшумно проходит вдоль ступеней, ведущих к амвону. В её руках кувшин, полный воды. Она поднимается на цыпочки у одной из колонн, отделяющих левый неф от центрального, и поливает цветы, растущие в подвесной корзине. Напоив их, переходит к другой колонне, за ней – к следующей.

Со скамьи для прихожан на неё внимательно смотрит мужчина. Ему за сорок, он высок, широкоплеч и в тёмном одеянии священника кажется грузным. Чёрные волосы с щедрой проседью, грубые, словно вытесанные из камня черты лица, суровый и тяжёлый взгляд... но сейчас мужчина смотрит на маленькую женщину в нелепом платье – и он почти красив, потому что его лицо словно озарено светом.

– Всевышнего трудно удивить, Веро, – замечает он, и его зычный голос рокотом разносится по Собору.

– Но иногда удаётся, – возражает она. – Ты хочешь эту историю?

– Конечно. Как и любую из твоих историй.

Женщина скрывается в правом нефе и возвращается уже без кувшина. Садится на скамью рядом со священником, снимает ботинок, упираясь носком в пятку. Священник присаживается

вається перед неї на корточки, расшнуровує і знімає другий ботинок, бережно масирує маленьку, як у ребінка, ступню.

– Ты рассказывай, – просит он, забирая обе её стопы в свою большую ладонь.

Женщина сбрасывает капюшон, поправляет светло-пшеничные волосы, собранные в строгую причёску, и продолжает:

– Однажды Бог очень устал. Терпение Его воистину безгранично, но от того, что тебя никто не слушает, очень легко утомиться и опустить руки. Он же то же чувствует, раз мы созданы по Его образу и подобию. Он устал и решил начать с самого начала. Собрал все на свете ветра в один исполинский Ураган и обрушил его на мир.

– Веро, ты путаешь. – Священник с укоризной качает головой. – Это был Потоп. Не ураган.

– Потоп был в другой раз. Я помню.

Она зевает, прикрывая рот ладонью. Он снова садится рядом с ней, и женщина укладывается головой ему на колени.

– Устала?

– Немного. Трудно весь день на ногах, – виновато улыбается она и повествует дальше: – Так вот. В то время жил один странный человек. Он любил этот несовершенный и неугодный Богу мир, любил его, несмотря ни на что. Каждую минуту своей жизни он считал подарком. Этот человек умел ценить мгновение и видеть красоту там, где никто её просто не замечал. Он искренне считал мир уникальным.

– Я соглашусь с ним, – кивает священник.

– Если ты будешь перебивать, я запутаюсь и забуду, о чём говорила. Так вот. Человек. Маленький, обычный, неприметный человек с огромным сердцем. Он увидел Ураган, который приближался, неся гибель всему. И так велико было его желание спасти этот мир, что он превратился в миллиард бабочек.

– Откуда ты знаешь про бабочек?

– Ксавье! – укоризненно восклицает она.

Священник бережно гладит её пшеничные волосы, пряча улыбку.

– Бабочки. Я много читала про них, оттого и знаю. Миллиард самых разных бабочек всех размеров и существующих на свете цветов. Они поднялись в воздух, и Ураган втянул их в себя. Всех до единой. И расцвёл невероятным цветком, которого Бог прежде не видывал. И Всевышний увидел великолепие этого цветка, этих бабочек, красоту мира этого маленького незаметного человека и остановил Ураган. Мир, сам по себе способный на чудо, должен жить. Творец заслуживает прощения.

– А что стало с бабочками? Они же такие хрупкие, – хмурится священник.

Вероника вздыхает, возится, устраиваясь на жёсткой скамье поудобнее, молчит какое-то время. Поглаживания успокаивают, убаюкивают её. От пальцев священника пахнет сандалом.

– Я хотела бы закончить эту историю и не рассказывать дальше, но ты сам спросил, – тихо вздыхает она. – Хрупкие бабочки погибли. Их изломанные крылышки осыпали мир. Люди подумали, что это красиво. А Бог подумал, что это грустно.

– А что думаешь ты?

– Я думаю, что это справедливо. Как цена спасения целого мира.

– Как жертва Сына Божьего?

– Мы все – дети Бога.

И снова в Соборе воцаряется тишина. Вероника тихо дремлет, Ксавье осторожно поглаживает её по голове, стараясь не растрепать причёску, и задумчиво глядит вверх. Там, под самыми сводами церкви – небо. Звёздное небо, которого лишены все живущие под Куполом в Азиле.

«Мы спрятались под Куполом от Божьего ока, – думает Ксавье. – Как под камнем. И полагаем, что Он не видит нас и так мы спасёмся. Но Веточка права: мир, в котором люди не слышат голоса Бога в себе, может спасти только чудо. Мы почти двести лет сидим под камнем и ждём его, не понимая, что спасётся лишь тот, кто способен на чудо сам...»

Он смотрит на бледные щёки Вероники, слушает её спокойное дыхание. Слегка постукивает пальцем по её тонкому запястью.

– Не засыпай, Веро. За тобой вот-вот придут.

– Я хочу, чтобы он загулял и забыл про меня, – бормочет она, не открывая глаз. – Так уже столько раз было... Я не хочу возвращаться.

– Я знаю, Веточка. Но есть такое понятие – «долг». Это превыше любых желаний. Я всегда рад тебе, но твоё место – там, в семье, рядом с дочерью.

– И даже когда придёт время...

– Не начинай, – мягко перебивает он. – Я не хочу, чтобы ты уезжала отсюда с тяжёлым сердцем.

Вероника ошупью находит его руку, кладёт ладонь себе под щеку и замирает.

– Дома я больше всего скучаю по прикосновениям, – еле слышно говорит она. – Простым человеческим прикосновениям, несущим тепло.

– А как же Амелия?

– Это дочь своего отца, – безжизненным тоном отвечает Вероника и умолкает надолго.

Из оцепенения их выводит резкая трель звонка. Ксавье поднимается и идёт открывать, Вероника со вздохом приступает к обуванию. Когда священник возвращается в сопровождении Доминика Каро, Вероника сидит на скамье такая, какой её все привыкли видеть дома – тихая, поникшая, похожая на собственную тень.

– Заждалась? – подмигивает ей Ники. – Иди в машину, мне надо переговорить со святым отцом с глазу на глаз.

Она послушно кивает и покидает Собор. Только убедившись, что входная дверь хлопнула, закрываясь за Вероникой, Доминик поворачивается к священнику.

– Отец Ланглу, благословите.

Правая рука поднимается в привычном жесте.

– Благословляю тебя, сын мой, – миролюбиво говорит священник. – О чём ты хотел поговорить?

Доминик оправляет сюртук, выдыхает коротко и решительно выдаёт:

– Отец Ланглу, мне нужно, чтобы вы обвенчали нас с моей девушкой. Пышной свадьбы не будет, этот брак по любви, а не по родительскому желанию.

Ксавье мрачнеет.

– Доминик, постой. Брак не одобрен родителями?

– Да. Но нет причины, по которой мы не могли бы обвенчаться.

Священник смотрит будто бы не на самого Ники, а сквозь него – и тот вопреки своему желанию продолжает:

– Моя невеста – девушка из Третьего круга. Отец Ланглу, нет закона, который запрещал бы этот брак! Все равны перед Богом! Разве не в любви счастье? В чём смысл выживать тут, в затхлом мирке, если не делать счастливым того, кого любишь, и не быть с ним рядом?

С каждым словом парень всё сильнее распаляется, в голосе проскальзывают истеричные нотки.

– Тише, Доминик! – вскидывает руки священник. – Я понял тебя, ни к чему горячиться. Если вы оба так хотите – будь по-вашему. Только я прошу ещё раз подумать о...

– Спасибо, отец Ланглу! – просияв, благодарит Ники. – Вы один меня понимаете, спасибо вам!

– Ступай. Время позднее, вам ещё ехать до дома.

Проводив юного Каро печальным взглядом, Ксавье Ланглу возвращается на скамью, где они сидели с Вероникой, и долго-долго глядит в нарисованное звёздное небо, думая о чём-то своём. Потом споласкивает руки в мраморной чаше и идёт через правый неф в Сад, где зреют в инкубаторах десять человеческих плодов, которым предстоит стать полноправными жителями Ядра. Ксавье проверяет работу систем, которые обеспечивают будущих детей элиты всем необходимым для развития, благословляет каждый плод и лишь после этого проходит в свою келью на самом верхнем ярусе Собора. Там он до рассвета молится на коленях и полосует свою широкую спину плетью-трёххвосткой.

Неистово. Безжалостно. Щедро окропляя тесную келью алыми каплями.

V Зверь

Среди ночи Бастиана будит испуганный крик Амелии. Он мгновенно покидает тёплую постель и спешит в комнату напротив. Вероника уже там, прижимает к себе плачущую дочь, гладит растрёпанные рыжие кудряшки. В тусклом свете ночника обе напоминают привидения.

– Что такое, *bien-aimé*? Что произошло? – сонно бормочет Бастиан, касаясь мокрых щёк дочери.

– Зверь! Я видела зверя! – всхлипывает девочка, отталкивает мать и тянет руки к отцу. – Защити меня, папа!

Бастиан поднимает Амелию, она обнимает его за шею, обхватывает ногами. Вероника смотрит на неё с тревогой.

– Малышка, у тебя ничего не болит? – спрашивает она тихо.

Амелия не отвечает, только льёт слёзы за воротник отцовской пижамы. Бастиан прижимает её лоб к своей щеке – не горячая ли?

– Уйди, – коротко приказывает он жене, и Вероника покидает детскую.

Бастиан, не спуская дочь с рук, включает свет в комнате и в коридоре. Амелия понемногу успокаивается – щурится, судорожно вздыхает. Отец вытирает ей нос платком, заботливо положенным им же самим под подушку накануне. В последнее время Амелии частенько стали сниться кошмары. Врач, осмотревший девочку, сказал, что это возрастное.

– Впечатлительная ты моя, – ласково шепчет Бастиан в нежное розовое ухо. – Ничего не бойся. Папа с тобой. Папа защитит.

– Не оставляй меня тут, папа, – хриплым от переживаний голосом просит Амелия. – Я боюсь. Возьми меня в свою комнату, зверь не ходит туда. Смотри, он нянюшку съел... и маму съест.

Проклиная про себя кормилицу Ганну, которой не оказалось на положенном месте, Бастиан уносит дочь в свою спальню. Строит гнездо из одеял и подушек, бережно укладывает в него Амелию и устраивается рядом. До рассвета ему снится что-то тревожное, и утром он просыпается разбитым и с больной головой.

За завтраком Вероника получает от мужа очередной выговор под молчаливое одобрение свёкра и свекрови. Она сидит за длинным семейным столом напротив мужа и всем своим видом выражает почтение и раскаяние.

– Хватит пичкать дочь книжной дрянью! Я не знаю, какую чертовщину ты ей подсовываешь читать, но ночные кошмары – следствие этого чтения! – стучит кулаком по столу Бастиан. – Вместо того чтобы играть со сверстниками, Амелия по полдню сидит с тобой в библиотеке. Ей нужны активные игры, живое общение, а ты чему её учишь? Жопу растить?

– Женщины Азиля – хранительницы памяти о прежнем мире. Амелия всего лишь читает книги о животных, – еле слышно оправдывается Вероника, глядя в тарелку.

– У самой негде память хранить, так решила Амелией компенсировать? – ядовито интересуется Бастиан, нарезаая куриное филе мелкими кусочками. – Прекращай делать кашу из мозгов ребёнка! Подрастёт – пусть хоть что читает, а сейчас нечего! Води её гулять, ходите в гости, в картинную галерею, бассейн. Или мне и эту роль на себя взвалить?

– Хорошо, Бастиан, – послушно шепчет жена.

Каро-старший удовлетворённо кивает, мадам Каро улыбается старшему сыну самой доброй из своих улыбок. Бастиан чувствует небывалый прилив сил и продолжает воспитательную беседу:

– Кстати, где сегодня ночью была твоя толстозадая кормилица? Почему её не было в комнате, когда Амелия заплакала?

– У Ганны заболел младший сын, он совсем ещё маленький, и я позволила ей взять выходной...

– С каких пор ты стала распоряжаться в этом доме? Хозяйкой себя почувствовала?

– Нет, Бастиан.

– Хозяйка здесь одна – моя мать. И если кто и может отпустить прислугу, жалованье которой платим мы, а не ты, так только она. Забыла?

– Прости, пожалуйста...

Бастиан доволен произведённым эффектом. Прочитать нотацию безмозглой Веронике – лучший способ выпустить пар и избавиться от головной боли, что терзает его с ночи. Лучше только побоксировать с тяжёлой грушей в спортзале. Или спарринг с кем-нибудь из старых друзей.

– Давно пора уволить эту безалаберную цыганку, – подаёт голос Ивонн Каро. – Подыскать ту, что будет работать добросовестно и честно отрабатывать свой хлеб.

Реплика попадает в цель. По щеке Вероники сползает крупная слеза.

– Мадам Ивонн, – срывающимся голосом просит молодая женщина. – Пощадите меня! Не увольняйте Ганну, она вырастила меня, она последнее, что осталось от моей семьи!

Ивонн игнорирует её, поглощая завтрак – яичницу с зелёным горошком и куриной грудкой. Вероника роняет слёзы в тарелку, промокает уголки глаз салфеткой, стараясь успокоиться.

– Пожалуйста, мадам Ивонн...

– Она не справляется со своими обязанностями, – безапелляционным тоном отвечает свекровь.

В этот момент в гостиную входит Доминик. Видит эту безобразную сцену, хмурится.

– Слушайте, ну хватит издеваться над ней! Вам так нравится, когда она соплями стол заливает и ходит с вечно красными глазами? Бастиан, это твой единственный способ самоутвердиться в семье? Матушка, вы заключили пари, кто быстрее выжмет из неё слезу? Отец, и ты всё это одобряешь?

Ники плюхается в кресло, закидывает ногу на ногу.

– Хочу полюбоваться на этот дурдом со стороны. Благородное семейство отыгрывается на жене старшего сына вот уже... Какой год, Веро? Седьмой или восьмой?

– Доминик, не лезь не в своё дело, – раздражённо отзывается отец. – Пришёл завтракать – садись за стол.

– Поем на кухне. Там атмосфера приятнее. И это... Не будьте говном до конца. Оставьте Веронике её няньку. А то переусердствуете – и доводить станет некого.

Доминик встаёт, ловко подхватывает со стола половину курицы, съёт её в бумажный пакет и покидает гостиную. Ивонн медленно багровеет, хватая ртом воздух и наконец выдаёт:

– Да как ты смеешь так с родителями разговаривать?!

– Вот они – прелестные плоды общения с плебеями, – невозмутимо комментирует Фабьен Каро. – Мало я его драл в детстве... Бастиан, я сказал что-то смешное?

Бастиан с трудом убирает с лица улыбку.

– Прошу прощения, отец. Просто представил себе этого шута в Совете.

Родители смотрят на него с недоумением, и Бастиан тут же поясняет:

– Я собираюсь возглавить операцию по поимке твари, уничтожившей один из наших рыболовецких сейнеров. Наверное, вы это уже прочли в свежих газетах. И в случае, если я не вернусь, по решению Совета Семи брат займёт моё место в Совете. Я представил себе Ники на заседании – это абсурд, мягко говоря. Мама, не стоит так пугаться. Скорее всего, нет там никакой твари, это всё выдумки простолюдинов. Так что будет всего лишь морская прогулка. Кстати, Вероника, ты нашла мне ту книгу о белом ките, что я просил?

– Конечно, Бастиан.

– Если ты закончила завтрак, пойди и отнеси её в мой кабинет. И посмотри, проснулась ли Амелия.

– Да, Бастиан.

Оставив завтрак почти нетронутым, Вероника спешит в библиотеку, которая занимает весь третий этаж особняка Каро. Это место в доме – её любимое. Она знает каждый из двух сотен высоких стеллажей, помнит, где какая книга стоит, любит тонкий запах книжных страниц. Здесь можно затеряться. Можно забыть о тоске, в которой приходится жить последние годы. Можно уйти ненадолго в мир, существующий лишь в шелесте пожелтевших страниц, но от того не менее реальный.

В почти забытой прежней жизни, где остались родители и маленький брат, Вероника почти не читала. Жила обычной жизнью девочки из благородной семьи. Знала только игры со сверстницами, куклы да платья. В четырнадцать лет всё изменилось. В ночь её свадьбы в машине родителей случилось короткое замыкание, и Вероника осталась сиротой. Первое время наивная девочка искала тепла и поддержки у мужа – красивого, умного и такого взрослого. Юная Вероника была влюблена в него по уши с того момента, как их представили друг другу, но...

Вероника решительно встряхивает головой, отгоняя воспоминания. Прочь. Ксавье учит жить светом. Не прокручивать раз за разом в памяти боль и тоску. Ценить те искры Бога, что есть у тебя в жизни. Терпеливо принимать все испытания, что выпадают. И никогда не прекращать надеяться.

Она проходит до стола, за которым привыкла читать, берёт верхнюю книгу из стопки, подобранной для мужа. «Моби Дик», история охоты на призрачного белого кита. Вероника понимает её иначе: дело не в ките. Дело в одержимости мстью и неспособности свернуть в сторону с пути, который ведёт к гибели. Зачем эта книга Бастиану?

Прежде чем уйти из библиотеки, Вероника выдвигает нижний ящик стола и достаёт подарок отца Ланглу на её пятнадцатилетие: толстый, растрёпанный томик Виктора Гюго – роман «Отверженные». Обводит пальцем тиснёные буквы на обложке, подносит раскрытую книгу к лицу, вдыхает запах, закрыв глаза. Это её сокровище, любимая вещь, с которой началось её путешествие по мирам, придуманным за сотни лет до того, как она сама родилась на свет. Вероника прижимается к обложке щекой – маленький тайный ритуал – и возвращает книгу в выдвижной ящик. Надо торопиться. Бастиан терпеть не может, когда она задерживается с выполнением поручений.

По пути в апартаменты супруга Вероника заглядывает в маленькую комнату Ганны. Сорокалетняя смуглокожая кормилица причёсывается перед зеркалом, собирая в косу вьющиеся смоляно-чёрные волосы.

– Доброе утро, деточка, – белозубо улыбается своей воспитаннице Ганна. – Как тебе спалось?

– Спасибо, моя милая *nourrice*⁶, всё хорошо. Я просто хотела узнать, приехала ли ты. После завтрака надо погулять с Амелией. Может быть, стоит съездить в городской парк? Там сейчас всё так красиво цветёт...

– Я найму рикшу, – кивает Ганна.

Амелию Вероника находит в кабинете Бастиана. Растрёпанная со сна дочь сидит за отцовским столом, подложив на стул несколько подушек, и что-то старательно рисует карандашом. Когда мать осторожно заглядывает через плечо девочки, с листа сероватой бумаги скалится чёрный Зверь с десятками жадных глаз и протянутыми к ней руками.

⁶ *Nourrice* (фр.) – кормилица.

Три дня спустя Советник Каро в сопровождении личной охраны посещает завод по производству акрила. Как и большинство производящих предприятий города, завод находится под землёй, между третьим и четвёртым секторами Третьего круга. На пропускном пункте у Бастиана спрашивают личный код – и нарываются на искреннее возмущение:

– Какой код у Советника? Вы вчера родились?

Один из заводских охранников бежит искать управляющего, второй мужественно принимает гнев Бастиана на себя.

– Извините, месье. Я обязан проверить код, это моя работа, – твердит он, глядя в лицо Советнику без тени страха. – Здесь так положено, месье.

Вскоре возвращается его напарник, за ним спешит, прихрамывая, управляющий.

– Месье Каро! Миллион извинений! – кричит управляющий на ходу. – Охрана сменилась, я не успел их предупредить о вашем визите.

– И что? – хмуро бросает Бастиан.

– Обещаю – эти двое будут уволены. Прямо сейчас. Я распоряжусь.

Бастиан задумчиво оглаживает аккуратно подстриженную бороду, смотрит на охранников. Молодые парни, лет двадцати. Худые, как щепки. У того, который общался с Советником, повреждена кисть левой руки.

– Где тебя так? – кивает на травмированную руку Бастиан.

– На переработке отходов, месье. Год назад. Заклинило конвейер, надо было лезть внутрь. Кто-то должен был, вот меня и запустили как самого худого. Я его починил, но...

– Был уволен за нарушение техники безопасности, – быстро заканчивает за него управляющий. И сурово рявкает на охранника: – У меня вылетит за халатность!

Советник лезет в карман, вытаскивает блокнот, карандаш, что-то быстро пишет, отрывает листок и суёт парню.

– Это завтра отнеси в соцслужбу. Небольшая, но благодарность – от меня лично. Там моя печать, поэтому всё, что в списке, ты получишь без проблем. Управляющий!

– Да, месье Каро?

– Если кто-то из этих двоих потеряет работу, я об этом узнаю. И вы лично будете за это отвечать. Вашей обязанностью было предупредить своих людей о моём визите. Как и представиться мне при встрече, между прочим.

Даже в синеватом, искажающем цветовосприятие местном освещении заметно, как управляющий краснеет.

– Виноват, месье Каро, – лепечет он. – Я Николая Пелетье, управляющий отделом...

– Пройдёте в ваш кабинет, Пелетье. Не топтаться же на проходной.

Шаги гулко отдаются в длинном тоннеле. Свет тускл, лампы надсадно гудят над головой. Проходящие мимо люди волокут тележки с тюками, ёмкостями, трубами. Бастиан хмуро рассматривает остатки облицовочной плитки на стенах, шагает, стараясь не наступать в подозрительные лужи под ногами.

– У вас что – канализация течёт? – спрашивает он семенящего впереди Пелетье.

– Бывает, месье Каро. Она то там, то тут...

– Почему не присылаете заявку ремонтникам? – грозно хмурится Бастиан. – Ждёте, когда рабочие захлебнутся в грязной жиже?

Пелетье оглядывается через плечо, сутулится.

– Мы присылаем заявки регулярно. Но оборудование изношено, в том числе канализационные трубы, – оправдывается он.

До кабинета управляющего Бастиан молчит. У двери Советник просит охранников подождать – и, как только они с Пелетье остаются один на один, выговаривает хозяину кабинета всё, не стесняясь в выражениях.

– Я вернусь к вам через неделю в сопровождении ответственного за работу завода. Спрошу и с вас, и с директора. Его счастье, что он болен и не смог сегодня присутствовать, но передайте ему мои слова: любая неисправность повлечёт за собой гибель людей и парализует необходимое для города производство. Если вы оба этого не понимаете – вы не должны занимать руководящие должности. В противном случае вы преднамеренно ставите существование производства Азиля и жизни его жителей под угрозу. Если у вас есть хоть капля ума, за неделю вы приведёте всё в норму. В противном случае ни один суд вас не оправдает. Вам понятно, Пелетье?

Круглое лицо управляющего принимает испуганно-плаксивое выражение. Пелетье умоляюще сжимает руки на груди.

– Месье Каро, я вас умоляю! Я всего лишь заместитель, посредник между вами и своим начальством...

– Я спросил, понятно ли вам? – Тонем Бастиана можно резать стекло.

– Да, месье.

– Вот и прекрасно. Пелетье, мне нужно найти одного из ваших рабочих. Я знаю только имя. Его зовут Тома Йосеф.

Управляющий энергично кивает. Предлагает Советнику массивный стул, а сам ныряет за рабочий стол и включает замызганный компьютер. Машина гудит, стол мелко подрагивает. Бастиан косится на это с беспокойством. «Не рвануло бы, – думает он. – Всё тут какое-то... На грани. И оборудование, и люди. Как хорошо, что мне приходится инспектировать иные объекты».

Пока Пелетье ищет информацию о нужном человеке, Бастиан рассматривает кабинет. И находит его тесным, захламлённым и очень душным. Стеллажи вдоль стен завалены стопками бумаг, пластиковыми контейнерами, на одной из полок – ворох лоскутов материи. Ниша под потолком набита папками, на корешках надписи «Отчёты», «Брак», «Жалобы», «Выговоры», «Снято с производства», «Расходные по цеху тканей»... В углу сиротливо притулился куб тумбочки, на нём – тарелка с недоеденным то ли завтраком, то ли обедом. Судя по зеленоватой массе, облепившей ложку, это что-то с водорослями.

– Вы ведёте документацию и на бумаге, и в компьютере? – спрашивает Бастиан.

– Да, месье Советник. Так сохраннее. Кажется, я нашёл нужного вам работника. Тома Йосеф, тридцать девять лет, заливщик. Он?

– Понятия не имею, – равнодушно пожимает плечами высокий гость. – Зовите, раз нашли.

Управляющий убегает на поиски рабочего. Бастиан вытирает платком вспотевший лоб и расстёгивает две верхние пуговицы рубашки. Духота давит на виски, пробуждая тупую боль. «Побыстрее бы выбраться. – Бастиан морщится. – Как же давит чёртово подземелье. Почему так мало воздуха? В теплицах и на птицефабрике нет такой духоты». Накрывает видение: вот он сидит в крохотной комнате, а над ним – громадная толща земли, глины, камня. Тысячи тонн. И стены кабинетика – как та же бумага. Ничего не стоит смять одним движением.

«Возьми себя в руки, – приказывает себе Бастиан. – Система надёжна. Строили на века. Стоит уже двести лет, работает исправно. Прекрати себя накручивать».

Минуты, проведённые в ожидании Пелетье, кажутся часами. Бастиан пытается отвлечься на чтение валяющихся на столе бумаг – но кривые строки путаются перед глазами, пляшут, вызывая новые вспышки головной боли. Советник закрывает глаза, глубоко дышит, считает мысленно до пятисот. За дверью дожидается личная охрана, хочется позвать их – но что он им скажет? «Мне страшно, у меня приступ клаустрофобии, утешьте меня?» Вздор. Бастиан тихо смеётся – над самим собой. Пятьсот один. Пятьсот два. Ничего, совсем скоро он окажется в привычной обстановке. И всё пережитое забудется. Пятьсот три...

– Месье Каро? – слышится за дверью – нерешительно, осторожно. – Это управляющий. Мы можем войти?

– Входите. Ваш же кабинет, – ворчит в ответ Бастиан, втайне испытывая облегчение. Всё, он больше не один.

Лицо Пелетье – воплощённое желание услужить высокому гостю. Сама любезность, радушие и душа завода. Управляющий переступает порог, жестом приглашая войти рабочего.

– Месье Каро, вот наш паренёк.

«Паренёк» на три года старше Бастиана, но выглядит куда моложе. Неопределённого цвета роба с болтающимся на груди респиратором, мешковатые брезентовые штаны, крепкие жилистые руки. Жидкие чёрные волосы собраны в хвост на затылке, на бледном лице – спокойные ярко-синие глаза.

– Здравствуйте, Советник Каро. – Голос Тома Йосефа негромок и шероховат.

Бастиан первым протягивает ладонь, обменивается с рабочим крепким рукопожатием.

– Месье Йосеф, вас дома не застать, вот я и нагрянул сюда. Мне порекомендовали вас как человека, который может изготовить стальной гарпун, – сразу переходит к делу он.

– Смогу. Сколько гарпунов нужно и к какому сроку?

Уверенный тон Йосефа импонирует Бастиану, и Советник сдержанно улыбается.

– Скажите, вы прежде занимались подобным делом?

– Если бы не занимался – как бы вы обо мне узнали? Я двадцать лет помогаю рыбакам.

– Сами в море выходили?

– Бывало.

– Почему перестали?

– Семья появилась. Им кормилец живой нужен. Век рыбака короток.

Бастиан удовлетворённо кивает.

– Через неделю мы идём добывать тварюгу, которая потопила один из наших сейнеров. Я лично в этом участвую. Тома, вы нужны мне в море.

Йосеф молчит, рассматривая пол у себя под ногами. Пауза затягивается, и Бастиан начинает терять терпение.

– Если вы согласны – за вознаграждением я не постою. Если нет – так и скажите. Я найду способ прикончить тварь и обезопасить в море кормильцев своего города.

– Откажешься – вылетишь с работы, – спешит вставить Пелетье.

Рабочий усмехается, качает головой. Смотрит на Бастиана, словно что-то прикидывая.

– Вы же не зря именно ко мне пришли, Советник? И не только мои руки нужны в этом деле, верно?

– Верно. Если слухи не врут, – отвечает Бастиан, стараясь быть спокойным.

– Не врут.

Бастиану становится неуютно под взглядом Йосефа. Как будто он держит раскрытую ладонь над неуклонно растущим кристаллом синего льда. И вот-вот коснётся кожи ядовитое остриё, взвихрится по нервам невыносимая боль, вывернет суставы судорогой, и...

– Советник? – словно издали, доносится до него голос Тома.

– Душно у вас, простите, – хрипло отвечает Бастиан.

– Я сделаю всё, что нужно, месье Каро, – говорит Йосеф буднично. – За неделю. Только я обязан спросить.

Он становится напротив Бастиана, слегка склоняется к его уху. Пелетье смотрит на них, открыв рот и не понимая, что происходит. «Он не в курсе, кто у него работает», – проносится у Бастиана в голове, и от этого осознания становится странно весело.

– Советник Бастиан Каро, вы осознаёте, что с моей помощью сильно рискуете? – почти шепчет Йосеф.

– Если это гарантирует успешный исход задуманного – да, я готов, – твёрдо отвечает Бастиан. И добавляет: – Не мне вас бояться. Я не суеверен.

Тома отступает в сторону, кивает.

– Я не представляю угрозы, Советник. Речь не обо мне.

– Через неделю я пришлю за вами. Будьте готовы, – чеканит Бастиан, ставя точку в разговоре, и быстрым шагом выходит из кабинета управляющего.

Во время всего пути наверх ему мерещится оценивающий взгляд Тома Йосефа. «А ты не боишься, Советник?»

– Бред, – тихо шепчет Бастиан сам себе, и слова его тонут в эхе шагов. – Это всего лишь сказки, которые наплодили вокруг себя потомки цыган. Я образованный человек, я не верю в это. Наверняка Сириль имел в виду что-то иное, когда сказал... Как он сказал? Как же там было – о звере, которого выпускает Йосеф? Нет никакого зверя. Это про страх. Страх – самый опасный зверь. Я уверен в том, что делаю. В моих силах защитить Азиль. И нет места страху. У зверя нет власти надо мной. Я Советник. Я стою над всем этим.

Если бы в Азиле ещё помнили слово «бродяга», то Ники Каро причислили бы именно к ним. Ему невыносимо дома, но и в среде, где живёт его Кейко, нет для него места. Он болтается по всему городу, тратя время на развлечения в подпольных клубах, вечера проводит с Кейко, а домой возвращается только поесть и переодеться. Все контакты с семьёй Ники сводит исключительно к играм с Амелией. И только в обществе дочери Бастиану удаётся поймать младшего брата.

Качели на заднем дворе негромко поскрипывают. Бастиан идёт на голосок Амелии, которая то смеётся, то что-то бурно обсуждает, и находит их с Домиником за игрой в карты. Они устроились лицом друг к другу, свесив ноги по обе стороны сиденья, и так увлечены, что не замечают подошедшего Бастиана.

– Когда жульничаешь, прячь карты незаметно или держи их вот так, – показывает Ники; Амелия пробует повторить, роняет карту на землю, хохочет.

Ники наклоняется поднять, протягивает племяннице шестёрку трэф и продолжает:

– Роняешь карту – делай всё возможное, чтобы её никто не успел увидеть.

– У тебя червовый валет, дама бубён, червовые восьмёрка и шестёрка и два туза, – ехидно сообщает Амелия. – Сказать, каких мастей?

– Вот ты мерзкая пигалица! – восклицает Ники восторженно. – Как с тобой дальше играть, когда ты жульё почище меня?

– Ты чему ребёнка учишь? – рявкает Бастиан с максимальной суровостью. И с затаённым удовольствием наблюдает, как младший брат вздрагивает и испуганно озирается.

– Привет, папочка! – машет рукой Амелия. – Я попросила научить меня чему-нибудь плохому.

– Вижу, дядя Ники справляется с задачей на отлично.

Бастиан проходит между аккуратно подвязанных розовых кустов, садится на качели между дочерью и братом. Ники опирается боком на спинку сиденья, напускает на себя равнодушный вид. Амелия весело болтает ногами, поправляет в руке веер из карт. Ники подаёт ей остаток колоды и просит:

– Конопушка, отнеси их в папин стол в кабинете, туда, откуда стащила. Давай, дружок. Чуть позже доиграем.

Девочка нехотя сползает с качелей, собирает карты, суёт их в карман на расшитом подоле красного платышка и послушно уходит в дом. Бастиан дожидается, когда она скроется из виду, и лишь потом поворачивается к младшему брату. Ники слегка покачивает качели, уперев в землю носок ботинка, и демонстративно смотрит в сторону. Делает вид, что куст расцветающей сирени – самое интересное, что есть на свете.

– Брат, – мягко окликает Бастиан. – Я должен с тобой поговорить. Это важно.

– Не хочешь, но должен? – не отрываясь от созерцания куста, усмехается Ники. – Видимо, это действительно важно.

Бастиан вздыхает. Общение с Домиником год за годом становится всё сложнее, а поведение младшего – всё нетерпимее. Если слова ещё можно не слушать, а разницу во взглядах – терпеливо игнорировать, то поступки Каро-младшего откровенно позорят семью в глазах жителей Ядра. На днях Бастиан выслушал на Совете всё, что правящие Азилем думают по поводу предстоящей свадьбы Доминика. Насмешки, презрение и заявленное в форме ультиматума: «Разберитесь с ним, пока не стало поздно».

– Должен, – жёстко отвечает Бастиан. – Потому что ты мой брат, каким бы кретином ты ни был.

– Забавно. Моё мнение о тебе такое же, – вскидывает подбородок Ники. – Ну давай, излагай.

– Благодарю за одолжение. Я хотел услышать ответ на один вопрос. Доминик, зачем ты так себя ведёшь?

Ники переносит ногу через сиденье качелей, садится ровно. «Чтобы уйти в любой момент», – понимает Бастиан.

– «Так» – это как?

– Для чего всё это показушное бунтарство? Тебе больше нечем заняться? Мать не выходит из дома неделями, ей стыдно соседям в глаза смотреть, отец весь седой от твоих фокусов. Тебе не пять лет, а ответственности за поступки – никакой. И смысла в них никакого, только нервы семье выматываешь!

Бастиан оглаживает подстриженную бородку, сжимает руку в кулак. Накатывает желание приложить младшего брата как следует, и он с трудом подавляет в себе этот порыв. Спокойнее. Вечером можно будет выпустить пар в спортзале. А через пару дней – сходить на состязание по кулачному бою. Сейчас – терпеть.

Он смотрит на Доминика. Небритое, осунувшееся лицо, обветренные губы, тёмные тени под глазами, ясно очертившиеся скулы. Костяшки пальцев левой руки стёсаны, под ногтями грязь, из-под лёгкой куртки виден ворот несвежей рубашки. Ботинки пыльные, носы у них сбиты.

– Ники, – мягко обращается к брату Бастиан. – Это ни к чему хорошему не приведёт. Посмотри на себя. Выглядишь ужасно. Чем ты питаешься?

– Тем, что у нас можно взять на кухне.

– Ты проводишь среди плебеев слишком много времени. У тебя синяки под глазами. Там же сплошная дрянь в воздухе, брат!

– Дооооо, в воздухе дрянь, девки все заразные, всюду грязь! – пафосно вскидывает руки Доминик. – Бастиан, люди живут не только в Ядре. Такие же, как мы. После свадьбы у нас с Кейко будет право на своё жильё, и мы переберёмся в дом Вероники. Или там тоже дрянь в воздухе?

Он вскакивает, делает было шаг, но Бастиан рывком осаживает его обратно.

– Пойдёшь, когда ответишь на мой вопрос!

Ники меняется в лице, раздражённо сбрасывает руку брата.

– Хочешь знать, зачем мне это? Я след оставить хочу. – Его голос резко садится, и Доминик почти шепчет: – Я хочу свою жизнь – лишнего ребёнка, никчёмного человека в Ядре – прожить так, чтобы обо мне хоть кто-то вспоминал с теплом. Я хочу семью, в которой будет любовь, а не расчёт. Я хочу своего места в этом мире. И я добьюсь этого сам. Не как ты, не как отец, не как любой мужчина, рождённый в Саду и живущий в Ядре на полных правах. Вам всё дано сразу: должность, еда, обеспечение. Вам хотеть-то нечего...

– А ты, стало быть, несчастный и бесящийся с жиру лишний элемент? – язвительно спрашивает Бастиан.

– Для тебя и семьи я точно лишний. Но не для Кейко. Она меня любит.

– Лю-у-убит? Вот как! Дурень, да ты смешон! Мне трудно поверить, что после меня Советником может стать такой клоун!

– Смейся. Быть клоуном лучше, чем убийцей.

Бастиан тут же смолкает, взгляд его темнеет от ярости.

– Ты что несёшь...

Доминик пользуется моментом, спрыгивает с качелей и делает несколько шагов в сторону.

– Правду слушать неприятно, аж кулаки чешутся? – ядовито спрашивает он. – Я не зря спросил, куда делась биологическая мать Амелии. Это чтобы семью не позорить, верно, братец? А я её помню, тоже пару раз к ней заглядывал. Редкой красоты была девица. И смеялась звонко. Как её звали?

Он смотрит на Бастиана, застывшего, как изваяние, и смело продолжает:

– Ну что ж поделать, раз в Ядре так принято! Заделал дитя – плод в Сад, доращивать, а мать в биореактор. Только я не такой, как ты. И не такой, как отец. И эта твоя «честь семьи» – пустой звук, за которым прячутся гнилые дела. И если ты не вернёшься завтра со своей морской прогулки, я на твоё место не сяду. Пусть ищут себе другого беспринципного подонка!

Шуршит под удаляющимися шагами гравий на дорожке. Свет и тень от листьев сирени образуют на площадке перед качелями причудливые узоры. Доминик давно ушёл, а Бастиан всё сидит, неподвижно глядя себе под ноги. И снова он как будто находится в маленькой хрупкой каморке под тяжелой толщей земли, глины и камня. И нет из этой каморки выхода.

Расстегнуть воротник рубахи. Откинуться на спинку качелей, закрыть глаза. Дышать глубоко, чувствуя каждый глоток. Со дня на день распустится сирень, в воздухе разольётся её сладкий аромат... Спокойно. Надо глубоко дышать, просто глубоко дышать. Нужно собраться и выбросить из головы все семейные дрязги. Завтра важный день. Необходимо быть в форме.

«Как её звали?» – звучит в памяти издевательский вопрос.

Как её звали, ты помнишь, Бастиан Каро? Как звали твою любовницу, мать Амелии, которую по твоему приказу...

– Гад... Ненавижу! – хрипит Советник сквозь стиснутые зубы. Срывает сюртук, швыряет его на качели и бегом несётся к дому.

– Гийом! – зовёт он слугу – крепкого, жилистого рабочего. – В спортзал, срочно!

Спустя сорок минут Бастиан вспоминает, что должен съездить к отцу Ланглу для имплантации воздушного фильтра. Конечно, проще было бы довериться медикам Ядра, но священник делает это куда чаще – а значит, у него и опыта больше. Заодно надо бы узнать, нет ли чего нового по исследованиям синего льда.

Советник Каро благодарит Гийома, чьё лицо после спарринга напоминает жуткую багрово-синюю маску, выписывает ему пятидневный отпуск и выдаёт бутылку вина из погреба. Пар выпущен, и Бастиан чувствует себя лучше. Он принимает душ, быстрым шагом поднимается в свой кабинет на втором этаже, меняет мокрую от пота рубаху и надевает сверху лёгкую куртку. Попутно находит в шкафу довольную Амелию.

– Карты не здесь лежали, – замечает он с наигранной суровостью.

– Я их уже убрала и играю в волшебный город, – радостно рапортует дочь, висая на перекладине для верхней одежды, как на турнике. – У тебя в шкафу теперь есть заветная дверца, вот. Только это секрет.

И действительно – на внутренней стенке старинного шкафа чем-то белым намалёвана кривобокая дверь.

– Отлично. Конопушка, если соберёшься туда в гости – предупреди, где тебя искать, – усмехается Бастиан.

– Если я соберусь туда, то никому не скажу. Это же секретное место. Зверь туда не ходит. А ты куда?

– Мне надо к отцу Ланглу ненадолго.

Амелия пробкой вылетает из шкафа, с грохотом захлопывает за собой дверцы.

– Возьми меня с собой!

– Не в этот раз. Вот тебе задание: найди дядю Ники...

– Я заманю его в спортзал и запру до твоего возвращения.

– Умница, – кивает Бастиан, целует дочь в веснушчатый нос и уходит.

Два часа спустя он уже поднимается за Ксавье Ланглу в процедурный кабинет в университетском крыле собора. Эхо шагов Бастиана разносится по пустующим в вечернее время коридорам, освещённым длинными мерцающими лампами под сводами, а отца Ланглу в лёгких сандалиях на босу ногу абсолютно не слышно. Бастиан косится на его громоздкую фигуру – и поражается, как тот может настолько легко и бесшумно передвигаться.

«Как её звали? – крутится в голове вопрос, заданный младшим братом. – Я же помнил её имя... Как её звали?»

– Советник, – мягко окликает отец Ланглу. – Вас что-то беспокоит?

– Нет-нет, – поспешно отмахивается Бастиан. – Просто задумался.

Священник открывает неприметную дверь, делает широкой ладонью приглашающий жест.

Просторную комнату, облицованную белой каменной плиткой, заливает яркий свет. Четыре операционных стола, разделённые лёгкими переносными ширмами, металлический стол с парой стульев, в глубине кабинета – шкаф с хирургическими инструментами за прозрачными дверцами. Слева от шкафа – ещё одна маленькая дверь, незаметная за сияющей белизной.

– Лаборатория, – поясняет священник, проследив взгляд Бастиана. – Растворы, порошки, растительные компоненты. Там я готовлю нехитрые лекарства и провожу исследования. Проходите, Советник. Я принесу фильтр и анестетик.

– Тут так светло, – озираясь, отмечает Бастиан. – Не верится, что у Собора автономное энергоснабжение.

– А вы верьте, – отвечает отец Ланглу из лаборатории. – Это действительно энергия, получаемая от городской канализации. Просто распределение её продумано особым образом.

Священник возвращается, неся с собой фильтр в вакуумной упаковке, флакон с распылителем и пару резиновых перчаток.

– Я взял для вас новый, ещё из запасников. – Его голос из-под целлюлозной медицинской маски звучит слегка приглушённо. – Обычно мы используем эти системы повторно, просто прочищаем фильтрующий состав и как следует дезинфицируем. Присаживайтесь. Процедура безболезненная, но довольно неприятная. Это быстро. Я наловчился ставить фильтры своим прихожанам на дому за минуту.

– Вы ещё и по домам с проповедями ходите?

– Не совсем так. Я обхожу вверенные мне два сектора, навещаю тяжелобольных и тех, кто не может прийти в церковь. Это тоже моя работа.

Бастиан садится на металлический стул у стола, нервно ёрзает, наблюдая за приготовлениями.

– Отец Ланглу, есть что-то новое по синему льду?

Широкие плечи священника поднимаются и опускаются под чёрной свободной рубахой. Лица его Бастиан не видит и истолковывает этот жест как неопределённый.

– Смотри что считать новым, месье Каро. Химический состав я так и не могу распознать достоверно, тут нужен неповреждённый кристалл. Те жалкие осколки, что я смог добыть, при анализе дали воду с растворёнными в ней солями и частицы органических веществ, входящих

в состав волокон клетчатки. Но что странно – в тех фрагментах, которые не успели растаять, вода образовывала структуры, присущие растениям. Если учесть мммм... поведение льда, то это действительно похоже на рост растения.

– Только эта дрянь – не растение, – бурчит Бастиан.

– Я стараюсь присутствовать, когда люди находят синий лёд. Он чаще появляется там, где грязнее воздух и слабее защитное действие Купола. На территории Ядра лёд ни разу не появлялся, верно?

– Угу.

Отец Ланглу бережно извлекает из упаковки фильтрационную систему, опрыскивает трубочку носового катетера анестетиком.

– Можно выдвинуть предположение, что появление и рост льда связаны с какими-то соединениями, имеющимися именно в загрязнённом воздухе, то есть с весомой долей диоксида азота. Я по образованию химик, но поведение этого псевдольда ставит меня в тупик. Реакция с водой типична, но вот рост кристаллов... Волей-неволей поверишь в божественное провидение. Готовы, месье Каро? Откиньтесь на спинку стула и глубоко вдохните, когда я введу носовой катетер. Дальше дышите открытым ртом. Я добавил к лекарству немного наркотика. Это поможет вам расслабиться. Запрокидывайте голову, Советник. На счёт «три»... Раз, два...

Бастиан закрывает глаза, послушно вдыхает, ощущая едва заметный аромат ладана. Катетер неприятно царапает носоглотку, продвигаясь ниже, заставляя хватать воздух ртом, морщиться.

– Спокойнее, спокойнее, – ворчит отец Ланглу. – Да, это неприятно. Но не больно же. Месье Каро, ещё вдох. У бифуркации трахеи⁷ системе надо раскрыться. Давайте. Глубокий резкий вдох!

Вдох вызывает приступ сильнейшего кашля. Бастиан давится, священник с трудом удерживает его на месте.

– Дышите! Всё нормально, это реакция на посторонний предмет. Спокойнее, месье Каро! Дышите ртом!

Бастиан открывает глаза и видит за плечом отца Ланглу молодую женщину. Синие глаза, огненно-рыжие волосы, бледная кожа. На тонкой шее поблёскивают дешёвые бусы.

– Ты... Магдалена... помню! – шепчет Бастиан. И проваливается в обморок.

На резком просоленном ветру саднит рассечённую бровь. Качает. К горлу то и дело подкатывает горький комок. Холод пробирается под латексную куртку, застёгнутую на все пуговицы. Спасательный жилет сковывает движения, раздражает. Хочется спуститься в каюту, запереть дверь и лечь. Но нельзя. Он Советник, он обязан быть примером спокойствия и силы. Он должен присутствовать, наблюдать, участвовать, а не отсиживаться по углам.

Бастиан ёжится и украдкой дышит на озябшие ладони. Оглядывается, ловит сочувственный взгляд Тома Йосефа.

– Замёрзли, месье Каро? У капитана есть виски, глотнёте?

Виски. Вонючая кукурузная дрянь, которую в здравом уме ко рту подносить не станешь. Нет уж.

– Благодарю, Тома, но я откажусь. Полагаю, просто надо привыкнуть, – сдержанно отвечает Бастиан.

Слегка пошатываясь, Советник Каро проходит на бак и смотрит на идущий впереди баркас. Маленький, быстрый, баркас этот – исключительно запасной вариант. На случай крушения того траулера, где сейчас находится Бастиан. Советник опирается о накрытую брезентом гарпунную пушку и смотрит на гребешки волн, расходящиеся от кормы баркаса. Вопреки ожиданиям, море не произвело на Бастиана никакого впечатления. Он столько раз видел море на

⁷ Бифуркация трахеи – место, где трахея расходится на два бронха.

картинах в городском музее – и там оно представало грозным, могучим, своенравным, словно живое существо. Воочию же он увидел лишь серую, шумно дышащую гладь со стойким запахом йода.

– Вам бы здесь рассвет встретить, месье Каро, – говорит Йосеф. – Такие краски...

Встречать рассвет на фоне качки Бастиану совершенно не хочется. Он искренне надеялся до полудня расправиться с тварью, ради которой согласился на это некомфортное путешествие, и отправиться домой. Но эхолоты, установленные на обоих судах, ни в какую не хотят видеть в толще воды крупные подвижные объекты.

Бастиан вытаскивает из-под брезента длинную стальную стрелу, изготовленную Йосефом. Зазубренный наконечник тускло отблёскивает под лучами солнца. По всей длине гарпуна – затейливая вязь незнакомых букв. «Надо узнать, что тут написано», – думает Бастиан и возвращает его на место, к шести ещё таким же. Поправляя брезент, задевает лезвие гарпуна рукой и тут же отдёргивает её – порезался. Рана неглубокая, но обильно кровоточит, роняя густые тёмные капли на брезент и палубу. Бастиан зажимает порез левой рукой, оглядывается в поисках кого-нибудь из команды, и замечает впереди, на корме баркаса, молодую женщину с тёмными волосами до плеч. Она сидит, держась за леер и спустив ноги за борт, и с интересом наблюдает за Советником. Бастиан бросает в её сторону раздражённый взгляд и уходит с бака.

В кают-компании моряки азартно режут карты. Но, увидев Советника, сметают карты под стол и отчаянно делают вид, что были заняты чем-то чрезвычайно важным.

– Есть чем руку перевязать? – хмуро спрашивает Бастиан, и большая часть присутствующих принимается шарить по углам и ящикам в поисках чистого куска ткани.

Кто-то протягивает Бастиану тряпицу, и он оборачивает кровоточащую ладонь.

– Капитан, который час?

– Четверть третьего, месье Каро.

И на приборах до сих пор пусто. «Нет никакой громадной рыбыны, – думает Бастиан. – Сейнер утонул из-за неисправности, а выжившие придумали сказку, чтобы не нести ответственность за произошедшее». Нет, не вяжется. Слишком серьёзно отнёсся к рассказанному Сириль. Он человек грамотный и здравомыслящий, иначе не правил бы Третьим кругом. Значит, надо идти вперёд и ждать, когда эхолот хоть что-то обнаружит. «Если он вообще работает», – добавляет Бастиан мысленно.

Сколько ещё продлится это плаванье в обществе холодного ветра и затянутого тучами неба? В море они с рассвета, берега не видно уже давно, кругом сплошной серый цвет – вода и небо. Непонятно даже, где граница между ними.

– Капитан?

– Да, месье Советник?

Бастиан силится вспомнить имя этого коренастого пожилого человека с плохими зубами и нестриженной гривой седых волос – и не может. То ли их в спешке не представили друг другу, то ли качка ослабляюще действует на память.

– Надо поговорить.

– Моя каюта в вашем распоряжении, месье Каро.

Воспоминание о крошечном кабинете управляющего Пелетье заставляет Бастиана поморщиться.

– Нет, лучше на палубе.

Оба поднимаются вверх по узким ступенькам. Бастиан опирается спиной о спасательный круг, закреплённый на стене рубки, и спрашивает:

– Время идёт, а мы так ничего и не нашли. Каковы дальнейшие действия?

– Месье Каро, море большое. Вы хотите, чтобы оно вот прямо сию минуту выдало все свои секреты? – сипло отзывается капитан. – Так не бывает.

– Хорошо. Вы планируете ночевать в море?

– Возможно, придётся, – осторожно отвечает тот.

Бастиан делает глубокий вдох. Фильтр мешает вдохнуть полноценно, вызывая желание сорвать его к чёртовой матери.

– Вы осознаёте, что в темноте мы беспомощны? – спрашивает Бастиан, старательно сдерживая эмоции.

– Ну да. Но болтаясь по морю туда-сюда, мы ничего не добьёмся, кроме траты времени.

– Советник! – зовёт с носа Йосеф. – Капитан! На баркасе оживление.

– Что на приборах? – спрашивает капитан, заглядывая в кают-компанию.

– Тишина, – отвечают ему.

Советник уже на носу, тревожно всматривается вперёд. На баркасе люди столпились у левого борта, машут руками, что-то кричат. Взгляд Бастиана выхватывает среди них женскую фигурку. Темноволосая стоит в стороне от остальных, неподвижная и, как кажется Советнику, напряжённая.

– Что там? – шепчет Бастиан. – Что ты почувствовала?

На палубе траулера появляется один из моряков и с удовольствием сообщает:

– Там рыба. Здоровенный косяк!

– Чего ждёте? – рявкает капитан. – Вам показать, где трал? Рассказать, как рассчитывать точку постановки? Быстро!

На палубе начинается беготня, траулер идёт на разворот, потом замедляется. Бастиан отходит к гарпунной пушке, чтобы не мешать. «Косяк рыбы. Ну хотя бы что-то в город привезём, – думает он. – Стоило столько готовиться ради чёртова косяка рыбы...» Моряки на корме оживлённо переругиваются, проверяя узлы, крепления и предвкушая добычу.

– Отдать трал! – приказывает капитан.

Громадная сеть погружается в воду, траулер снова ускоряется. Царящая вокруг эйфория кипучей деятельности передаётся и Бастиану. Ведомый любопытством, он делает несколько шагов к корме – и в этот момент ветер доносит до него пронзительный женский крик. Советник резко оборачивается, тревожно вглядывается в серую рябь за бортом. Ничего, кроме волн. Бастиан бросает сердитый взгляд в сторону баркаса – и видит, как женщина торопливо проверяет на себе застёжки спасательного жилета.

– Трусливая дура, – раздражённо бросает Бастиан.

Сердце колотится, ладони становятся влажными. Ветер по-прежнему треплет волосы, но холода Бастиан больше не ощущает. Он снова смотрит на море – и внезапно понимает: что-то изменилось. Это на грани предчувствия – то, чего пока не видно невооружённым глазом.

– А вот и он, – слышит Бастиан за плечом спокойный голос Тома Йосефа. – Расчехляем пушку, Советник.

Вдвоём они стаскивают брезент. Бастиан то и дело оглядывается на воду, но ничего подозрительного не видит.

– Волны. Качка усилилась, чувствуете? – поясняет Йосеф. – И Акеми не зря задёргалась. Смотрите внимательно, Советник!

Бастиан подходит к борту, хватается за леер. Да, шатает сильнее. Неужели не выдумка?..

Метрах в двухстах от траулера над морем взбухает холм. Он куда светлее воды и неба и отчётливо виден. Секунда – и холм пропадает. У Бастиана пересыхает во рту.

– Там! – кричит он и машет рукой. – Капитан, слева!

Подбегает капитан, глаза его азартно горят. Он становится рядом с Бастианом, вглядывается в едва различимый горизонт.

– Что вы увидели?

– Холм. Светлый холм, который быстро исчез, – отвечает Советник, не сводя глаз с моря.

– Месье Каро, мы загнали в трал здоровенный косяк. Развернёмся – рискуем потерять часть улова. Вы уверены, что вам не показалось?

И, подтверждая слова Советника, водную гладь слева по борту взрывает снежно-белый хвостовой плавник. Даже сейчас, вдалеке, он кажется огромным.

– Чёрт возьми... – поражённо шепчет капитан. И бежит в рубку, на ходу что-то крича матросам. Те спешно принимаются выбирать трал.

Траулер разворачивается в очередной раз и идёт туда, где показался плавник. Баркас остаётся позади и справа.

– Советник, сюда!

Бастиан подбегает. Тома толкает его к пушке.

– Месье Каро, время дорого. Ещё раз. Смотреть – сюда. Наводить вращением колеса, вот этого. Вот это нажимать, но только когда уверены, что попадёте. У вас семь попыток, но твари хватит одного удара нам в борт. Вы поняли?

– Да, – отвечает Бастиан одними губами.

– Или я встану к пушке...

– Сам, – твёрдо отрезает Каро.

Чёрный крестик прицела мечется по воде, ища цель. В глазах рябит от однообразных волн, ощущение тошноты усиливается.

«Возьми себя в руки. Дыши ровно. Ты человек, охотник. Ты сильнее».

Белая спина выныривает впереди метрах в пятидесяти. Бастиан крутит колесо наводки. Нет, не успел.

– Куда плывёт эта тварь? – кричит он Йосефу. – Мы её догоняем или она идёт на нас?

– Не знаю!

Бастиан щурится, высматривая среди волн движение. Есть! Гарпун со свистом вылетает, разматывая витки каната, и исчезает где-то далеко впереди. Йосеф быстро перезаряжает пушку, Бастиан вглядывается в море.

«Мимо. Чёртова тварь, я тебя всё равно одолею!»

Снова движение у самой поверхности. Светлый блик становится чётче, ярче, приближается. Тварь идёт прямо на траулер.

– Советник, я его вижу! Стреляйте же! – кричит Тома.

– Иди сюда, – шепчет Бастиан и выпускает второй гарпун. Тот исчезает в глубине одновременно со светлым пятном.

– Попал? Я попал?

Йосеф перезаряжает, бросается к борту. Бастиан смотрит в прицел, ждёт появления плавника. Гладь моря недвижима. На корме моряки подтаскивают ближе трал, что-то кричит женщина на баркасе.

– Он вернётся, – слышит Бастиан слова Тома сквозь шум волн и ветра.

От напряжения и холода немеют пальцы, глаза застилают слёзы, в висках гремит сумасшедший пульс. «Где ты, тварь?» – безмолвно кричит Советник, шаря взглядом по гребешкам волн. Ушла? Затаилась? Где появится? Когда? Секунды текут так медленно...

Громадная белая морда выныривает справа от траулера. Бастиан разворачивает пушку, ломая ногти, крутит колесо прицела. Уходит в воздух третий гарпун. Тварь скрывается в серой мгле моря. И только по натянутому, как струна, канату Бастиан понимает, что он попал. Тома тоже это видит и успеваешь крикнуть:

– Держитесь!

Резкий рывок вправо сотрясает траулер. Несколько человек падают, прокатываются по палубе. Йосеф, едва удерживаясь на ногах, заряжает четвёртый гарпун.

– Оно под нами! – кричит кто-то.

Бастиан хватается за гарпун, отталкивает Тома и несётся к борту.

– Советник, назад! – орёт вслед Йосеф.

Держась левой рукой за леер, Бастиан склоняется над водой и видит, как проявляется под траулером призрачно-белое тело. Тряпка на правой ладони размоталась, и бордовые капли скользят по гарпуну, срываясь вниз. Короткий сильный замах – и гарпун вонзается в спину твари. Гигант вздрагивает, уходит в глубину. На поверхность всплывает воздушный пузырь, вода окрашивается розовым. Бастиан оседает на палубу, пытаясь отдышаться. Перед глазами всё пляшет, тошнота становится невыносимой, но что-то заставляет его встать, добраться до пушки, схватить ещё один гарпун и вернуться назад.

Слюна во рту с привкусом железа. Мало воздуха. Всё сильнее колотится сердце. Бастиан Каро улыбается и ждёт. Он точно знает, что соперник скоро вынырнет, и тогда он убьёт его. Это его миссия, его смысл существования – убить белую морскую тварь. Убить. Своими руками. Тварь.

Гигант медленно всплывает, словно подъём отнимает у него последние силы. Ярче становится белый блик в толще воды, и вот уже различима громадная уродливая морда с приоткрытой пастью. У самой поверхности тварь разворачивается боком, и на Бастиана смотрит неморгающий круглый глаз. На мгновение накрывает ощущение, что Советник видит в нём своё отражение. Резкий замах – и Бастиан вгоняет гарпун глубоко в это маленькое тёмное зеркало.

Подбегают моряки, кто-то бережно берёт Советника под руку, отводит в сторону, усаживает на свёрнутый петлями канат. К нему подходят, жмут руку, что-то восторженно говорят. Подносят чашку с чем-то горячим. Бастиан делает глоток, и ему становится так спокойно и хорошо, как не было уже очень давно. С удовлетворённой улыбкой он наблюдает, как моряки с заострёнными металлическими штырями завершают его деяние.

В нём теперь – сила мира. Он победитель. Победитель получает всё. Опыняющее превосходство – вот что он сейчас ощущает.

VI Карнавал

Акеми возвращается за полночь – усталая, с большим свёртком в руках. Стараясь не шуметь и не включая свет, она проходит на кухню, пристраивает свёрток на подоконник и садится на пол. Обнимает колени, утыкается в них лицом – и надолго замирает. В коридоре скрипит дверная петля, слышатся шаги. В дверном проёме появляется светлый силуэт – Жиль.

– Акеми, это т-ты? – спрашивает он шёпотом.

– Угу, – мрачно отзывается девушка.

Мальчишка проходит в кухню, неуверенно ступая в темноте, и присаживается на корточки напротив Акеми.

– Чего т-так долго? Ты г-где была? Макото волновался, – сердито шепчет он.

– Зарабатывала.

– У т-тебя выходной же... – Он неуверенно протягивает руку, осторожно касается плеча девушки. – Эй...

Она стряхивает его руку, садится прямо, вытянув ноги.

– Я в порядке. Просто устала. Зато у нас есть еда. Много.

Жиль обиженно сопит, раздосадованный, что упустил что-то важное, принимает.

– Т-ты воняешь. Ужасно. В-вот так вот. Т-ты что – пила?

– Ну так... немного.

Акеми вяло усмехается, ловит мальчишку за руку, дёргает на себя. Жиль ойкает от неожиданности, падает животом поперёк её колен.

– Я сейчас тебя тоже обнюхаю, бака! Ф-фу! Как ото-сан спит с тобой в одной комнате, грязнуля?

Жиль барахтается, что-то сердито шипит. Акеми беззвучно смеётся, шлёпает его по ягодице.

– Давай-ка вставай, и пойдём.

– К-куда ещё?

Акеми поднимается с пола, подталкивает Жилья к выходу.

– Раз мы оба воняем, надо мыться. В душевой в такое время никого. Разве что потрахать кто заглядывает, но меня это не волнует. Вперёд, мой пропахший потом дружок!

– Н-не! – отчаянно шепчет Жиль, пытаясь вильнуть в сторону, но хватка у Акеми мёртвая.

Ловко направляя его то тычком, то пинком, девушка гонит мальчишку вниз по лестнице до самого подвала. Всю дорогу Жиль оборачивается, смотрит на неё полными мольбы глазами и ноет:

– Ну н-не надо... Пошутила – и хв-ватит... Акеми, ну!

Но она неумолима:

– Завтра день первого урожая. Послезавтра – свадьба Кейко. Собираешься прийти грязным, как эти... как их... Во! Свиньи!

– Отвяж-жись, пьяная ж-женщина! – возмущается Жиль и делает очередную попытку удрать, поднырнув ей под руку.

Акеми ловко хватает его за локоть, а второй рукой – за ухо.

– Мыться. Смирись и шагай.

В подвале Акеми отпускает ухо мальчишки и гремит кулаком по обитой жёстью двери:

– Эй! Кто там есть – выметайтесь!

Выждав несколько секунд, она распахивает дверь и прислушивается. Удовлетворённо кивает, заталкивает внутрь притихшего Жилья и щёлкает выключателем на стене. Помещение заливают тусклый свет. Жилья со страхом рассматривает сырые стены в разводах плесени, косится на рядок жестяных коробов-шкафов у стены и пару длинных металлических скамеек. Между шкафами – проход в душевую, и слышно, как шлёпаются на пол капли воды из неплотно завёрнутого крана. От жутковатой атмосферы кожа мальчишки тут же покрывается мурашками.

Акеми удовлетворённо кивает:

– Никого. Отлично же. Проходи, располагайся. То есть раздевайся.

Она запирает дверь на задвижку, снимает свитер, аккуратно сворачивает его и пристраивает в угол скамейки. Долго возится с застёжками на поясе и бретелях комбинезона, что-то бурча под нос. Жилья потихоньку перебирается в угол, подальше от неё, присаживается на скамью, обхватив руками плечи.

– Мыло и мочалки – при входе слева, – говорит Акеми. И, покончив с раздеванием, делает шаг в сторону душа. Потом бросает взгляд на Жилья и возмущённо спрашивает: – Ну и что сидишь до сих пор? Мне тебя одетого мылить? Или самой шмотьё с тебя стаскивать?

– Н-не, – мотаёт головой мальчишка, старательно глядя в сторону, но взгляд поневоле возвращается к Акеми.

– Так. Я мою голову, ты раздеваешься и... Что «не»? Хочешь, чтобы я соседей позвала? Хватит уже, не дитя малое, – строго выговаривает ему Акеми и исчезает в душе.

Жилья какое-то время всё так же сидит, глядя перед собой округлившимися глазами и слушая, как льётся в душе вода, а потом быстро раздевается и, скромно прикрываясь руками, трусит на помывку. Опасливо обходит небольшой, но глубокий бассейн с тёмной застоявшейся водой, поскользываясь на мокром полу, приближается к ряду душевых кабин, разделённых бетонными перегородками с облупленной плиткой. Останавливается на почтительном расстоянии и разглядывает тело Акеми, окутанное водяными струями. Та спокойно смывает с волос мыло, стоя к мальчишке спиной.

– Ты тут? – спрашивает она, не оборачиваясь.

– Т-тут.

– Хватит пялиться, бери мочалку, спину мне потри.

Он что-то мямлит, но шум воды заглушает слова. Акеми заканчивает с мытьём головы, поворачивается. От одного вида мальчишки ей становится и грустно и смешно одновременно.

– Ну, Жилья, ну ты чего? Женщину не видел ни разу? – мягко спрашивает она, стараясь не улыбаться.

Он прячет глаза, но отвечает недрогнувшим голосом:

– Д-да много раз! Чт-то я т-тебе – девственник, чт-то ли?

– Да вот кто ж тебя разберёт, – прячет улыбку Акеми. – Раз для тебя голая женщина не новинку, должен уж знать: то, что ты там под руками прячешь – нормально. Иди, помоги спину вымыть. Иди-иди, я отвернулась.

Она бросает ему намыленную мочалку, упирается руками в стены кабинки и ждёт.

– Разглядывать будешь или?..

Шлепок жёсткой мочалкой пониже спины неожиданно обжигает кожу. Следующий удар приходится по лопаткам.

– Я т-тебе не дев-вственник! – звенящим от обиды голосом заявляет мальчишка. – Д-дура ты! У м-меня д-дети есть уже! Шесть лет и семь!

Акеми жутко тянет захохотать, но мокрая мочалка охаживает спину весьма чувствительно. Хочется развернуться и приложить развоевавшегося мальчика как следует, но она представляет, насколько нелепо всё это будет выглядеть, и терпит.

Ещё один удар проходится по спине – последний. Выждав несколько секунд, девушка спрашивает:

– Ну всё? Успокоился?

Жиль тяжело дышит и, кажется, всхлипывает. Не оборачиваясь, Акеми протягивает руку – и неожиданно касается его пальцев. Пальцы дрожат.

– П-прости... Я н-не хотел, я...

Саднит кожу. Да, бил мальчишка от души. Ну и как с ним теперь?

– Я осторожно.

Ладонь бережно скользит по коже, старательно обходя отметины, оставленные мочалкой. Всё равно больно, но Акеми терпит. Улыбается. Прислушивается к своим ощущениям. Бедный мальчишка... Как пылинки с неё теперь смахивает. Когда пальцы прикасаются к её спине, его рука вздрагивает.

– Всё, Жиль. Дальше я сама. Спасибо.

Так же стоя к нему спиной, она забирает мочалку, намыливает. Оттирает грязь с локтей, тщательно трёт шею, колени. Струйки воды стекают по телу, забирая с собой остатки куража. Ох, зря она это сделала. Нельзя так с мальчишками. Ни с взрослыми, ни с детьми.

– Ты дуешься? – спрашивает она вполголоса. И, не дожидаясь ответа, добавляет: – Извини.

– П-попа у т-тебя красивая. В-вот так вот, – мечтательно отзывается мальчишка.

– Да-ааааа! – тянет Акеми, и оба смеются.

Пару минут спустя девушка всюду трудится с мочалкой над ойкающим Жилем.

– Не вертись! Мыль пока свою дурную голову! – ворчит Акеми. – Ещё один поворот – и я порежусь об твои рёбра! Чего ж ты тощий такой... А грязи сколько!

– Щеко-о-отно! – вопит мальчишка, захлёбываясь смехом.

После помывки оба устраиваются спиной к спине на краю маленького бассейна. Акеми как никогда тянет поговорить.

– Жиль, я давно спросить хочу.

– Сп-прашивай, – расслабленно отзывается он.

– А ты точно ответишь?

– В-вот спина у тебя уютная. Тёплая.

– Ясно. Не захочешь – не ответишь. Жиль, откуда у тебя шрамы?

Он долго молчит, и Акеми решает, что ответа не дожждётся.

– Я п-почти не помню.

– А семья?

– Я один. Н-наверное, я сирота. М-меня отец Ксав-вье растил.

– Это я знаю. А почему ты от него ушёл? Жил бы при Соборе, бед не знал.

На этот раз пауза, разделяющая вопрос и ответ, ещё длиннее.

– А т-ты почему б-без мужика до сих пор?

– А не хочу, – фыркает Акеми.

– В-вот и я не хочу.

– А чего хочешь?

– Чт-тобы т-ты перестала в-видеть то, о чём сп-прашиваешь.

Она оборачивается, смотрит на его согнутую худую спину. Кожа настолько сильно обтягивает рёбра и позвонки, будто они вот-вот её проткнут. Уродливые шрамы тянутся с щеки на шею и плечо, раздвоенным языком лижут левую лопатку. И – пожалуй, впервые за время их знакомства – Акеми всерьёз задумывается, что же с ним произошло. И прекрасно понимает, о чём Жиль просит.

– Я тебя вижу куда лучше, чем их. Они мне никогда не мешали.

– В-врешь, – грустно отзывается он.

– Не вру. Просто я лет на девять тебя старше. Это кое-что меняет, – вздыхает Акеми. – Давай-ка вытираться и наверх, спать. Мне ещё утром рыбу надо засолить.

– К-какую рыбу?

– Я тебе не сказала. Я в море ходила. Советник Каро убил Онамадзу. Я помогала тушу разделять, вот мне и дали с собой сколько унесу.

Акеми встаёт, идёт в раздевалку за старенькими простынями, которые жильцы используют как полотенца. Одну бросает Жилю, другой вытирается сама. Когда она одевается, мальчишка трогает её за плечо.

– Т-ты грустная.

– Ты тоже что-то не весел.

– Мне в-важнее ты. В-вот так вот.

Акеми расправляет закатанные по локоть рукава свитера, кладёт на место мочалку, вешает простыни на просушку.

– Знаешь, Жиль... Без Онамадзу море осиротело. Хоть моряки и поговаривают, что, скорее всего, Онамадзу был не один... я чувствую, что они неправы. Я очень люблю море. А сейчас мы будто отняли у него что-то важное.

В праздничный день в Соборе душно и многолюдно. В толпе прихожан заметно оживление, то тут, то там пробегает шепоток. Вероника Каро рассматривает блики света, играющие над амвоном, и слушает голос отца Ланглу, царящий в храме. Время от времени она закрывает глаза, чтобы почувствовать, как сильный и раскатистый голос Ксавье заполняет пространство Собора, окутывает её и устремляется ввысь, под своды. Вероника жадно впитывает каждое слово и ощущает себя счастливой и лёгкой. Она вспоминает картинки из книг и представляет себе летящую птицу – большую, быструю, скользкую по бескрайнему простору воздуха. Сильные крылья птицы будят ветер, и Вероника подставляет лицо потоку свежего воздуха.

– Мама! – сердито шепчет Амелия. – Не спи!

Молодая женщина вздрагивает и открывает глаза. Дочь, в тёмно-синем бархатном платье с расшитым шёлковой нитью лифом, сидит рядом на скамье и болтает ногами.

– Амелия, не надо так делать, – негромко просит Вероника.

– Мне скучно!

– Слушай отца Ксавье. Он же интересное говорит.

– Я не всё понимаю из его слов. И умею интереснее рассказывать про Бога, – упрямо дует губы девочка и ковыряет носком туфли стоящую впереди скамью.

Сидящий на той скамье мужчина оборачивается, получив туфлём по пояснице.

– Эй! – грозно шикает он на озорницу.

– Слушай отца Ксавье! – приказывает Амелия, сдвинув брови, и замирает, подавая пример.

Вероника снова вслушивается в голос отца Ланглу. В сегодняшней проповеди он мало говорит о служении Богу и много – о том, как важна для человека радость. Радость даёт силы, говорит Ксавье. В радости – смысл бытия и творения мира, смысл продолжать жить и растить детей, работать, засыпать и просыпаться. Умейте радоваться, в ваших улыбках, обращённых друг к другу и к миру, – частичка любви Божьей. Как бы ни было трудно – не забывайте о праздниках, держитесь за светлое и хорошее в каждом дне. Сила Божья – в свете, который люди носят в сердцах, и в мире есть лишь три вещи, способные поддерживать этот свет в дни тяжких испытаний. Это любовь, вера и радость. Идите, говорит отец Ланглу, идите, и пусть ваши сердца сегодня наполнит чистая радость.

Месса заканчивается, прихожане встают со своих мест. Кто-то идёт к выходу, кто-то проходит к амвону за благословением. Амелия рвётся на улицу, но Вероника мягко берёт её под руку и ведёт к отцу Ланглу. Пока они стоят в очереди, девочка прыгает по мозаичному полу Собора возле матери.

– Мам, почему тут у всех лица становятся такими глупыми? – спрашивает вдруг Амелия, остановившись.

– Не глупыми. Тут люди счастливы, им становится легче, печали уходят.

Девочка смотрит на неё недоверчиво.

– И ты тут счастлива?

– Да, – улыбается Вероника и смотрит ввысь, где, подсвеченные, танцуют в воздухе пылинки.

– А почему дома – нет? – продолжает Амелия.

Улыбка матери гаснет, просветлённый взгляд прячется под дугами ресниц. Вероника беспомощно пожимает плечами, поправляет покрывающий голову капюшон.

– Я и дома счастлива, – ровно отвечает она.

Амелия фыркает совершенно по-отцовски и продолжает скакать по узорчатым квадратам на полу. Вероника смотрит на неё с грустью. «Его улыбка, его характер. Его губы, нос и горделивая осанка. Бастиан, ты не дал мне ни шанса воплотить себя в ребёнке...» – горько думает молодая женщина. Очередь делает шаг вперёд, и Вероника следует за ней, бережно придерживая подол длинного серо-голубого платья.

Приглядывая за дочерью, Вероника рассматривает прихожан, ищет знакомые лица. Вот месье Морель с младшей дочерью, вот старенькая мадам Готье. У выхода из Собора с кем-то громко разговаривает месье Руж, владелец водоочистительной системы Азиля. Маленькие Серж Готье и Луизетта Морин что-то рассматривают позади одной из колонн центрального нефа. «Лишь бы не кошка», – беспокоится Вероника. Эти симпатичные зверьки, истребляющие крыс и мышей по всему городу, ужасно злы и могут поранить детей при попытке взять их в руки или просто потрогать. Луизетта выглядывает из-за колонны, встречается взглядом с Амелией и машет ей рукой. Амелия морщит нос, показывает язык и отворачивается.

– Милая, – окликает Вероника. – Как некультурно.

– Она мне не ровня! – высокомерно заявляет дочь. – Она считает меня глупой, потому что мне неинтересно, сколько шкафов с платьями у неё и её мамы. А я думаю, что глупо – не знать, как называлась страна, которой был раньше Азиль.

– Малышка моя, быть умной – хорошо. А быть умной и воспитанной – хорошо вдвойне.

– Папа мне такого не говорил.

Авторитет отца для Амелии непререкаем, Веронике только и остаётся, что оставить попытку урезонить дочь. Конфликтовать с Амелией – нарываться на гнев Бастиана. А уж этого хочется меньше всего.

Шаг отделяет Веронику от отца Ланглу. Она стоит, тайком любясь его неторопливыми, плавными жестами, фиксируя в памяти движения губ, спокойный взгляд, тёмных, как ночное небо, глаз. Вероника впитывает в себя его образ, как спасение, чтобы в минуты отчаяния обращаться к своей памяти, как к лекарству.

– Благословляю, брат мой, – и тот, кто отделял Веронику от священника, отходит в сторону.

Она делает шаг вперёд, припадает на одно колено. Склоняет покорно голову.

– Благословите, святой отец.

Его жёсткая ладонь ложится ей на макушку. От руки так тепло, что хочется схватить её и изо всех сил прижаться щекой. Присвоить. Только себе, больше никому-никому. Как спасение. Как освобождение.

– Встань, дитя моё.

Отец Ланглу незаметно кладёт кругляш гостии на алтарь, и его взгляд, обращённый к Веронике, становится строже. «Это тебе нельзя», – читается в нём. Мгновение – и прямую линию губ трогает тень улыбки, а на ладони лежит маленькая красная карамелька. Ксавье осеняет Веронику крестным знаменем, подносит сладкий кусочек к её рту. Губы Вероники при-

нимают карамель, касаются пальцев священника поцелуем. Он не спешит убирать руку. Для него это так же важно и свято, как и для маленькой женщины в серо-голубом платье.

– Сад, – коротко выдыхает Ксавье, и Вероника опускает ресницы: приду.

Она отходит, берёт за руку Амелию, и они покидают Собор. На улице уже ждёт Ганна в пёстром лоскутном сарафане и с полугодовалым Клодом в слинге.

– Младенчик! – радостно вопит Амелия и тянется к нему. – Nourrice, можно мне его подержать? Какие у него щёчки! Я так люблю младенчиков, но у нас их почти не бывает...

– Пойдём, моя дорогая, – белозубо улыбается Ганна. – Посмотрим, как красиво сегодня в парке. И пусти Клода поползть по травке.

– Нянюшка, – кликает её Вероника, – я помогу отцу Ксавье украсить церковный садик и присоединюсь к вам. Амелия, у озера сегодня дают специальные кульки с кормом для золотых рыбок.

– Вот это да! – обрадованно восклицает девочка. – Идём кормить рыбок! Скорей, няня!

Ганна с детьми огибают Собор справа и идут в парк – именно там в праздники проходят народные гулянья с танцами, бесплатными угощениями и фейерверками. Вероника машет им вслед и, когда они исчезают за поворотом, быстрым шагом возвращается в Собор. Праздничное служение окончено, и лишь студенты-служки прибираются в наосе. Не замеченная никем, молодая женщина проскальзывает в боковой неф, проходит между рядами высоких мраморных колонн, сворачивает в правое крыло и поднимается по винтовой лестнице на верхний ярус Собора. Там в полутьме длинного коридора она безошибочно находит среди десятка одинаковых дверей нужную и вежливо стучит.

– Войдите, – отзывается знакомый баритон.

Вероника переступает порог кельи и останавливается, натолкнувшись на суровый взгляд Ксавье Ланглу.

– Веточка, ты не должна быть здесь, – качает головой Ксавье. – Мы же договорились встретиться в саду.

– Я принесла тебе историю.

Ксавье убирает в стенной шкаф надетую на манекен казулу⁸, смотрит на гостью долгим, внимательным взглядом – и на его хмуром лице расцветает улыбка. Не сдерживаясь, Вероника бросается к нему в объятия, льнёт щекой к груди.

– Погладь меня. Немедленно погладь, или мир прямо сейчас взорвётся и перестанет существовать, – то ли просит, то ли уже требует она. – Ты можешь спасти его, просто коснувшись меня.

Его ладони трогают волосы Вероники, пальцы погружаются в светлые локоны, как в чашу со святой водой. Ксавье легко дует ей в макушку, почти касаясь губами растрёпанных прядей.

– Нет, моя Веточка. Мир устоит, ибо на то Божья воля. Иначе Он не пустил бы тебя сюда.

– Получается, я удерживаю мир, да? – спрашивает она, вдыхая сладкий запах дыма и благовоний, пропитавших альбу⁹ священника.

Вместо ответа он обнимает Веронику и слушает, как частит её сердце. «Соскучилась, – понимает Ксавье. – Грейся, Веро. Оживай».

⁸ *Казула* (от лат. *casula* – «плащ») – элемент литургического облачения католического священнослужителя. Расшитая риза без рукавов. Надевается поверх альбы и столы. Цвет варьируется в зависимости от праздника.

⁹ *Альба* (лат. *alba* – «белая») – длинное белое литургическое одеяние католических священнослужителей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.